

В СВЕТЕ — ПОРЯДОК.
В ТЕНИ — ПРАВДА.
А МЕЖДУ НИМИ — ОНА.

ТАМ, ГДЕ СГАСНЕТ СВЕТ

ОНА — НАСЛЕДНИЦА СВЕТА.
ОН — СЫН ТЬМЫ.
И ИХ ЛЮБОВЬ МОЖЕТ
ПОГУБИТЬ МИР.

18+

Vitalina Ravelle

Там, где гаснет свет

«Автор»

2026

Ravelle V.

Там, где гаснет свет / V. Ravelle — «Автор», 2026

Империя света существует благодаря древним люмен-кристаллам, которые защищают людей от смертельного тумана за её пределами. Элинар Вельмор, наследница самого могущественного дома Люцериса, всю жизнь верила, что тьма была побеждена много лет назад. Но после нападения на императорском балу отец отправляет её на север — в земли, где исчезают караваны, оживают старые легенды и всё чаще говорят о возвращении того, что должно было остаться забытым.

© Ravelle V., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	15
Глава 3	20
Глава 4	27
Глава 5	35
Глава 6	41
Глава 7	50
Глава 8	57
Глава 9	64

Vitalina Ravelle

Там, где гаснет свет

Глава 1

Глава 1

Ночь мягким серебром заливала Люцерис. Башни столицы сияли так ярко, будто на улицы спустили звёзды. Свет струился по белому камню, отражался в каналах, дрожал в стеклянных куполах над мостами. Даже туман здесь был светлым. Он медленно полз между улицами, густой и серебристый, стекал по ступеням дворцов. В сиянии люмен-кристаллов туман казался почти красивым — мягким, мерцающим, сотканным из жидкого света.

Старые люди говорили, что до Катаклизма туман приходил только к рекам и лесам. Теперь же он появлялся каждую ночь, обнимая каждый уголок, словно сам мир пытался скрыть собственные раны. Поговаривают, что за пределами Люцериса туман был опасен. В северных землях в нем исчезали целые караваны. В Серых землях люди запирали окна и двери до рассвета, услышав, как с воем туман подползает к окнам.

Я стояла у высокого окна и смотрела вниз, на город, принадлежавший моей семье.

— Ты опоздаешь, — тихо сказала служанка за спиной, позволявшая себе разговаривать со мной без формальностей только когда мы находились наедине.

Я не обернулась.

Внизу, далеко под террасами дворца Вельморов, двигались огни вечернего рынка. Люди казались крошечными отсюда, почти ненастоящими.

— Леди Элинар?

Я наконец отвела глаза от окна и служанка опустила голову ниже. Все всегда опускали глаза. В полной тишине я подошла к зеркалу и увидела в отражении, что только сейчас взгляд служанки был устремлён мне в спину. Серебряные нити вшитых в платье люмен-кристаллов мягко светились в полумраке комнаты и словно враждовали с догорающими на тумбе огнями свечей. Я коснулась одного из камней пальцами, ощущая его тепло и вибрацию, заставившую резко одёрнуть руку.

— Кто сегодня прибыл? — поинтересовалась я.

— Послы Ардейна, госпожа. И верховный жрец Солвейна. — Служанка вновь опустила глаза в пол, стоило мне повернуться к зеркалу спиной.

Разумеется. Отец собирал всех крупных союзников в одном месте одновременно только в двух случаях:

либо перед войной;

либо перед казнью.

Я взяла перчатки со стола и не спешила поднимать глаза со своих тонких пальцев.

— Ещё что-то?

Служанка замешкалась, потирая большой палец с таким усердием, будто вот-вот его сломает.

— Говори.

— Люди шепчутся о нападении на северном тракте. — Служанка чуть не закусила язык, рассказав то, что не велено и к кому не велено.

— Опять? — я смягчила тон и, кажется, дрожь в голосе служанки пропала.

— Да, госпожа.

— Выжившие есть?

— Почти нет?

Почти. Значит, кто-то все же добрался до столицы

Служанка нервно сглотнула.

— Говорят, это были тёмные.

Конечно. Последнее время во всем винили тёмных. Пропал ребёнок? Тёмные. Сгорела шахта? Тёмные. Кто-то зарезал дворянина в переулке? Снова тёмные.

Я натянула перчатки, скрывая раздражение и направилась к двери.

— Простите, госпожа, но говорят, тела выглядели странно.

Я остановилась.

— Странно?

— Словно... — девушка побледнела. — Словно из них что-то забрали.

В комнате стало холоднее, заставив меня поднять голову и закрыть дверь плотнее.

— Кто это сказал?

— Один из стражников.

— И ты, конечно, решила запудрить мозги наследнице Вельморов очередными слухами?

Служанка тут же опустилась на колени, прикрывая глаза опущенной на лоб чёлкой.

— Простите, госпожа.

Я смотрела на неё несколько секунд. Испуганная, дрожащая, холодная. Когда-то я также сильно боялась своего отца.

— Встань, — холодно сказала и открыла дверь.

Коридоры дворца утопали в свете. Белый мрамор, золото, высокие окна и тихая музыка где-то внизу. Красиво, безупречно и мертво. Стража склонила головы, когда я проходила мимо. Я шла спокойно, ровно вдыхая через удушающий корсет, так, как учила мать. Я не оглядывалась по сторонам, не смела смотреть в чужие глаза и задавать вопросы. Позади тяжёлым ритмом шагали стражники — я даже не знала, сколько их человек, не смея повернуть головы назад, чтоб сосчитать.

У дверей бального зала стояли двое мужчин из дома Ардейн. Оба в военной форме.

— Леди Вельмор.

Я едва заметно кивнула.

— Командор

Мужчина склонил голову. На его тёмной форме серебром поблескивал герб Ардейнов — скрещённые клинки на фоне солнца. От него пахло сталью, дождём и лошадьми. Не будь мне всё равно, я бы посоветовала мужчине первым делом принять ванну и переодеться. Но мне было всё равно.

— Ваш отец уже ждёт.

Разумеется он ждёт. Отец ненавидел, когда его заставляли ждать. А неуважение к короне карались смертной казнью. Сможет ли он занести меч над головой собственной дочери? Проверить я вряд ли решусь.

Однажды, когда мне было десять, во время приёма гостей я ошиблась и назвала посла не тем титулом. Отец, конечно же, ничего не сказал при гостях, лишь искренне извинился за дочку, закладывая в свою улыбку тепло солнца, а в глаза свет горячих звёзд. Но вечером заставил меня час стоять на коленях в зале для аудиенций, пока я не научилась произносить имена всех дворян и их должности без единой запинки. С тех пор я почти никогда не ошибалась.

Слуги распахнули двери в бальный зал, пропуская меня и мою стражу, которая сразу же разбрелась в разные углы, где следить за мной будет проще. Музыка ударила сразу — скрипки, тихий звон бокалов, шелест дорогих тканей и стук украшенных дорогими камнями каблучков. Свет люмен-кристаллов струился с потолка мягким серебром, отражаясь в зеркальных колоннах. Танцующие пары скользили по мрамору так плавно, словно не касались пола. Всё здесь выглядело идеально, казалось ненастоящим, выдуманным очередным бардом. Я медленно шла вперёд, не опуская головы. Люди кланялись, улыбались, пытались заговорить или приблизиться,

но словно ощущая взгляды стражи в толпе, так и не делали последний шаг навстречу. Наследница Вельморов. Самая желанная невеста столицы. Будущая глава Золотого Дома. Люди всегда будут смотреть не на меня, а на фамилию за моей спиной.

И в центре всего — Севериан Вельмор. Он стоял у широкой лестницы, окружённый знатью, словно сам был частью этого дворца. Тёмный камзол с вышивкой сидел на нем безупречно. В золотистых волосах почти не было седины, хотя я не помнила ни одного дня, когда отец действительно спал. Люди рядом с ним улыбались очень осторожно, будь то союзники, служанки, любовницы или родная дочь. Когда я приблизилась, его взгляд оценивающе скользнул по мне с макушек до пят, словно не отец смотрит на своё дитя, а правитель оценивает оружие.

— Ты опоздала на три минуты, — произнёс Севериан.

Голос у него всегда был спокойный.

— Простите, отец.

— Это не просьба об извинениях, Элинар. Это факт.

Рядом кто-то тихо рассмеялся. Я даже не повела глазом, чтоб узнать, кто это. Мне было плевать. Скорее всего, это один из молодых лордов, пытавшихся заслужить расположение Вельморов.

Отец медленно повел рукой и слуга, разносивший напитки, резко остановился. Севериан взял бокал у слуги и, оттопырив мизинец, сделал глоток. На пальце блеснул перстень главы дома — золотое солнце с трещиной посередине. Очень старый символ.

— Сегодня ты будешь особенно внимательна, — сказал он.

Я едва заметно напряглась. Таким тоном отец говорил только перед тем, как разрушить чью-то жизнь. Озорным тоном.

— Почему?

Севериан сделал маленький глоток вина, специально затягивая паузу и не спуская с меня своих пристальных глаз. Внутри успело развернуться знакомое чувство тревоги, но глаза по-прежнему не выражали никаких эмоций.

— Потому что среди гостей может быть убийца твоего брата.

Весёлая музыка продолжила играть, где-то справа звонко и красиво рассмеялась женщина. Слуги двигались между гостями с подносами, сменяя одну порцию вина на другую. Никто вокруг не заметил, как похолодели мои пальцы под шелковыми перчатками.

На секунду я снова увидела Аэриса. Не мёртвого, а улыбающегося, с растрёпанными волосами после тренировки. Смешно кланяющегося, пока она пыталась попасть в него деревянным мечом.

«— Ты слишком злишься, Эли. Злость делает движения тяжёлыми».

Прошло два года, а мне все ещё казалось, что брат сейчас ворвётся в зал.

Я заставила себя дышать ровнее.

— Разве его не казнили два года назад?

Севериан слегка повернул бокал в руке, наблюдая, как вино касается чистого стекла.

— Возможно, мы ошиблись. — Он пожал плечами и сделал очередной глоток, беззаботно разгуливая глазами по залу. Его ресницы трепетали, словно он был абсолютно спокоен.

У меня внутри что-то сжалось. Ошиблись? Дом Вельмор не ошибался. Отец учил нас не ошибаться с самого рождения, а тут так просто ошибся? Людей убивали, покупали, предавали. Но ошибок не было.

Я медленно подняла влажные глаза на Севериана и впервые за вечер почувствовала страх. Если отец сказал правду, если тогда он и впрямь ошибся.. Значит, человек, убивший Аэриса, сейчас находится где-то в этом зале. Среди света улыбок, торжественной музыки.

И, возможно, уже смотрит на меня.

Я ненавидела балы. Не сами залы, музыку или драгоценности — к этому я привыкла раньше, чем научилась читать. Я ненавидела то, что люди тут улыбались. Приторно, широко и

одновременно осторожно. В каждой улыбке, вместо ровного ряда белоснежных зубов я видела пасть хищной акулы, готовой вцепиться в шею любого, стоящего на пути к деньгам. Никого не интересовала власть, особенно, если можно делать меньше, а зарабатывать больше.

— Леди Вельмор.

После разговора с отцом у меня жутко болела голова, но правила этикета не позволяли уйти от разговора. Очередной поклон. Я едва заметно кивнула молодому лорду, даже не запомнив его имени. Он что-то сказал о сегодняшнем приёме, о прекрасной музыке, о том, что столица стала ещё красивее этой зимой. Я даже не слушала его, лишь изредка улыбалась и кивала в паузах между его предложениями. Взгляд сам скользил по залу, в поисках незнакомого лица. Но что, если лицо, убившее Аэриса, на самом деле мне знакомо?

Охрана у западных дверей сменилась, а новые слуги заметно нервничали. Посол Солвейна слишком часто переглядывался с людьми Ардейна. Что-то было не так и отец явно это знал. Он разговаривал с верховным жрецом спокойно и совсем лениво, но его пальцы медленно постукивали по ножке бокала. Отец делал так, только когда чувствовал и ждал опасность.

— Вы меня слушаете, леди?

Я перевела настороженный взгляд обратно на лорда, словно его голос вырвал меня из транса.

— Разумеется.

Он улыбнулся, явно не поверив.

— Говорят, вы победили всех инструкторов дома Ардейн.

Плохой способ продолжить разговор.

— Люди много говорят.

— Значит, это правда?

— Если бы я победила всех, командоры Ардейна уже пытались бы меня убить.

Мужчина нервно рассмеялся, отхлёбывая красную жидкость из почти пустого бокала. Я уже собиралась уйти, когда почувствовала холод. Очень слабый, почти незаметный, волосы на затылке встали дыбом, пуская в пляс орду мурашек. Моё тело напряглось быстрее, чем разум успел понять почему. Я медленно повернула голову — ничего, всё та же музыка, танцы и свет. И всё же... что-то изменилось. Я скользнула взглядом по толпе, вытягивая шею, чтоб рассмотреть хоть что-то среди скользящих в танце пар. Слуги отошли от дверей, больше не подавая вино гостям и не убирая грязные тарелки со стола, стражи у колонн стало больше. Я даже не заметила, как они вошли через двери. Да и никто из гостей не заметил, продолжая восхвалять своих партнёрш и безупречную еду.

Тогда я увидела его, мужчину у дальней стены и по телу снова прошла дрожь, холодом оставаясь на кончиках пальцев. Чёрный костюм, тёмные перчатки, а лицо скрыто полумраком между колоннами. Казалось, даже свет люмен-кристаллов не хотел показывать его лицо. Он не разговаривал, не пил, не двигался. Просто смотрел. На меня. Я даже на мгновение зажмурила глаза, словно прогоняя галлюцинацию из головы. Холод начал подниматься, когда незнакомец склонил голову и улыбнулся. Слишком спокойно для человека, оказавшегося среди Вельморов без приглашения. Я шагнула вперёд и с резким моим выдохом оборвалась и музыка, громким скрипом, словно кто-то перерезал струны. Гости остановились и начали рассеянно переглядываться, но я боялась оторвать взгляд от тени, смотревшей прямо на меня. Один из огней моргнул один раз, затем второй. Серебряный свет на люстре и её платье одновременно дрогнули. По залу пронёсся шепот, а туман за окнами вдруг стал гуще. Внутри начала подниматься тревога.

— Всем оставаться на местах, — громко приказал кто-то из Ардейнов.

Но было слишком поздно. Свет погас, женщины закричали, а зал утонул в настоящей тьме. Темнота здесь была невозможна, люмен-кристаллы не гасли никогда. Никогда!

Кто-то врезался в меня плечом, раздался звон стекла, паника вспыхнула быстрее огня.

— Зажигайте факелы! — крикнул мужчина.

— Не работает!

Я уже двигалась. Рука скользнула под ткань платья, а пальцы сомкнулись на тонком кинжале у бедра. Главное быть спокойной.

«Паника убивает ранние клинка».

В голове раздался звонкий голос Аэриса, заставляя равномерно дышать. Я прислушалась, но сердце рвалось наружу, заглушая собственные мысли. Крики, шаги, тяжёлое дыхание и...

Тихий звук справа, слишком тихий, я развернулась раньше, чем увидела удар. Сталь вспыхнула во тьме. Удар пришёлся точно туда, где мгновение назад было моё горло. Я отбила чужой клинок кинжалом, и от столкновения по руке прошла боль. Нападавший двигался быстро, очень быстро. Так не дерутся дворяне, привыкшие к тренировочным поединкам ради развлечения. В его движениях не было ни одной лишней детали — только точность человека, который привык убивать в темноте.

Я отступила на шаг, пытаюсь разглядеть движения противника.

Глаза постепенно привыкали к темноте, позволяя узнавать силуэты на расстоянии вытянутой руки. В темноте блеснули чужие глаза, серебристые. У тёмных не бывает таких глаз, если же байки горожан были верны. Он снова ударил. Я ушла в сторону, позволяя клинку снова рассечь воздух возле горла, и резко ударила снизу. Мужчина поймал моё запястье и притянул ближе, настолько, что на секунду я уловила его холодное дыхание.

— Интересно, — тихо произнес незнакомец.

Голос был низким, спокойным, будто происходящее совсем не выматывает его, а только забавляет. Я рванула руку вниз, одновременно ударяя кинжалом по касательной, пытаюсь заставить его разжать пальцы. Лезвие скользнуло по ткани его рукава, но мужчина успел отступить. Я попыталась вырваться, но он удержал крепче, сильнее сжимая руку. Явно останется синяк, но сейчас это волновало меня меньше всего.

В следующую секунду я ударила его коленом. Он отпустил меня сразу, явно не ожидая такого развития событий. Где-то позади закричал раненый стражник. По залу пробежала вспышка магического света — один из кристаллов ненадолго ожил, выхватывая из темноты перевернутые столы, испуганные лица и брызги крови на белом мраморе. И это позволило мне увидеть его лицо: тёмные волосы, резкие черты, глубоко посаженные глаза и шрам возле виска, тянущийся до самой брови. Молодой. Слишком молодой для человека с глазами убийцы. Он смотрел на меня спокойно, без страха и ненависти, но именно это пугало сильнее всего. Он снова двинулся вперёд, на этот раз быстрее. Я едва успела заблокировать удар. От столкновения стали искры вспыхнули прямо между нами. Боль прострелила запястье, но я удержала клинок.

— Для наследницы света ты слишком хорошо дерешься.

— Для убийцы ты слишком много разговариваешь.

Кажется, это действительно его развеселило и он оттолкнулся от меня, заставляя опустить клинок.

В следующую секунду в зал ворвался свет, страже удалось активировать резервные кристаллы и тут гости закричали ещё громче. Кто-то лежал на полу в крови, разбитое стекло усеивало мрамор. А мужчина передо мной исчез, словно его никогда здесь не было, оставляя только жгучий след на запястьях, будто с меня только что сняли кандалы.

Я резко обернулась и тут же наткнулась взглядом на отца, он стоял всё у той же лестницы, живой и спокойный, только рядом с ним на полу лежал мёртвый стражник с чёрным ожогом на горле. А Севериан Вельмор смотрел прямо туда, где секунду назад стоял незнакомец. Будто знал, кто это был.

Шум в зале нарастал, кто-то плакал, кто-то требовал немедленно закрыть дворец. Несколько женщин уже почти потеряли сознание, пока слуги пытались вывести их из толпы. Запах крови смешался с ароматом дорогих духов. Я медленно выпрямилась, всё ещё сжимая в руке кинжал. Неужели незнакомец ушёл вот так легко?

— Закрыть все выходы! — рявкнул один из командоров Ардейна. — Никого не выпускать!

Стража двинулась к дверям и люди тут же заговорили громче. Паника среди знати всегда выглядела уродливо.

— Это нападение тёмных!

— Они проникли во дворец?!

— Где верховный жрец?

— Свет нас защитит

Свет.

Я подняла взгляд к люстрам. Кристаллы горели неровно, некоторые продолжали мерцать. Такого не должно быть, люмен-кристаллы не гаснут одновременно никогда. Значит, кто-то сделал это намеренно. Я поднялась со скамейки и направилась к мёртвому стражнику прям по луже крови, не беспокоясь, что ткань платья впитает её.

— Леди Вельмор, это небезопасно.

— Отойдите.

Командор колебался всего секунду, прежде чем сделать шаг назад. Он никогда не питал ко мне симпатии, впрочем, это было взаимно. Я опустилась рядом с телом, дотрагиваясь до подбородка и приподнимая его вверх. Мужчина был еще теплый. На горле тянулся тёмный след, будто кожа обуглилась изнутри, давая понять, что это не обычная рана. Я осторожно коснулась края ожога, ощутив знакомый холод, только в разы сильнее. Настоящий ледяной холод заставил сердце неприятно сжаться от догадки. Тёмная магия или что-то очень похожее на неё.

— Он мёртв? — раздался за спиной спокойный голос отца.

Я поднялась. Севериан подошёл ближе, даже не взглянув на тело. Как всегда безупречный, будто несколько минут назад в его дворце не погас свет.

— Да.

— Быстро.

— Вы удивлены?

Отец перевёл внимательный взгляд на меня и тут я осознала, что задала опасный вопрос.

— Меня удивляет только плохая работа стражи.

Ну конечно. Его всегда интересовали только две вещи: эффектность и эффективность. Ему было плевать на страх, царивший в зале, на хаос, произошедший минутой ранее, на мертвеца у его ног было плевать в первую очередь. Севериан слегка кивнул, словно я дала правильный ответ, заставив меня задуматься, не сказала ли я это вслух.

— Ты видела нападавшего?

На секунду передо мной снова возникли серебристые глаза, излучавшие только теплоту и спокойствие. Я не понимала, почему не рассказала сразу про шрам, про тембр голоса и про то, как он держал клинок. Вместо этого я просто пожала плечами и сказала

— Мужчина. Высокий. Хорошо обучен.

— Тёмный?

Отец понизил голос до шёпота, явно намекая ей общаться также. Вокруг нас сразу стало тише. Я вспомнила холод, как погас свет, чёрный след на коже стражника. Но глаза... ещё я вспомнила глаза незнакомца. У тёмных не бывает серебристых глаз.

— Не знаю, — наконец сказала я.

Отец смотрел на меня ещё несколько секунд, будто пытался понять, лгу ли я, а потом спокойно отвернулся.

— Обыскать дворец, — приказал он Ардейнам. — Никто не покинет Люцерис до рассвета

— Да, лорд Вельмор.

Севериан уже собирался уйти, когда я тихо произнесла:

— Ты знал, что что-то случится

Отец остановился и развернулся ко мне полубоком, словно раздумывая что сказать. Но он не думал, он имел возможность просто уйти, оставив меня со своим вопросом наедине.

— Почему ты так решила?

— Ты предупредил меня заранее

Севериан смотрел спокойно, но я слишком хорошо его знала, чтоб понять, что он был напряжён.

— Мир меняется, Элинар, — произнес он. — И люди становятся смелее, когда чувствуют слабость.

— Это связано с севером?

Он снова замолчал и свел брови к переносице. Плохой знак.

— Тебе пока не нужно это знать.

Я стиснула зубы. Ненавидела эту фразу.

С детства ненавидела.

«Тебе не нужно знать».

«Это не твоя забота».

«Ты поймёшь позже».

Но позже никогда не наступало.

— Я больше не ребёнок.

— Нет, — спокойно сказал отец. — Именно поэтому ты будешь делать то, что я прикажу.

Я чувствовала, как внутри нас обоих начинает закипать раздражение, мы одновременно сжимали и разжимали кулаки, рвано вдыхали воздух, растопыривая ноздри. Каждый был на грани сорваться. Только одному из нас позволено всё, а для второго это может закончиться недельным заточением в комнате.

— И что именно?

Севериан поставил бокал на поднос проходящего мимо слуги и медленно подошёл ко мне, улавливая запах моего страха. Он так делал всегда, когда знал, что я не смирюсь с его решением. Загонял меня в угол и выпускал лишь тогда, когда я покорно склоняла голову. В зале стояла тяжёлая, неправильная тишина — та самая, которая наступает после ужаса и криков. Люди рядом тут же отвели взгляды. Даже сейчас страх над моим отцом брал верх над страхом произошедшего. О любопытстве и речи идти не могло.

Музыканты давно перестали играть. Слуги торопливо собирали осколки стекла, стараясь не смотреть на тело стражника, накрытое тёмной тканью у лестницы. Где-то в дальнем конце зала тихо плакала женщина. Несколько дворян уже требовали немедленно покинуть дворец, но стража перекрыла выходы и показывала сталь при любой попытке среди гостей пробраться к дверям.

— Завтра утром ты покинешь столицу.

Я замерла. Он произнёс это так, будто обсуждал обычную деловую поездку. Но я никогда не была за пределами столицы.

— Что?

— Ты отправишься на север.

На секунду мне показалось, что я ослышалась.

Север. Земли тёмных, мёртвые города, туманы, в которых исчезают люди. Отец никогда не отправил бы меня туда без причины. В детстве это место казалось мне чем-то мифическим. Землёй за пределами света. Миром вечного снега, разрушенных крепостей и туманов, в которых исчезают люди. Местом, где умер Аэрис.

Я почувствовала, как пальцы непроизвольно сжались вокруг рукояти кинжала, всё ещё спрятанными под складками платья.

— Зачем?

Севериан ненадолго перевёл взгляд в сторону лестницы, где под тёмной тканью все ещё лежало тело убитого стражника. В зале стоял тяжёлый запах расплавленного воска, крови и магии — резкий, неприятный, совершенно чужой для дворца Вельморов. Несколько слуг торопливо вытирали мраморный пол, стараясь двигаться как можно тише, будто громкие шаги могли спровоцировать новую волну паники.

Столица впервые за долгое время почувствовала страх и мне это совершенно не нравилось.

— Один из наших караванов пропал возле старых шахт, — наконец ответил отец.

Его голос звучал ровно и спокойно, словно речь шла о задержке поставок, а не о людях, исчезнувших в северных пустошах.

— Ардейны могут разобраться сами, — сказала я, хотя уже понимала: если Севериан заговорил об этом лично, обычным расследованием дело не ограничится.

— Могли бы, — согласился он, медленно поправляя перчатку на руке. — Если бы среди найденных тел не оказался мой человек.

Я почувствовала, как внутри неприятно сжалось что-то холодное и тяжёлое.

Отец никогда не называл шпионов «своими людьми» при посторонних. Особенно во дворце. Особенно в присутствии Совета и союзников. Это только показывало опасность происходящего.

Я невольно скользнула взглядом по залу. Верховный жрец Солвейна о чем-то быстро спорил с одним из командоров Ардейна. У дверей стояла усиленная стража. Несколько советников дома Миркрос уже почти открыто подслушивали разговоры гостей.

Все выглядело так, словно дворец готовился не к окончанию бала, а к началу войны.

— И что сообщил твой человек? — спросила я тише.

Севериан чуть наклонился ко мне. Со стороны это выглядело почти по-отечески, и именно поэтому по спине пробежал холод.

В детстве он всегда разговаривал таким спокойным голосом, без злости и раздражения, перед тем, как наказать кого-нибудь из слуг или объявить чей-то приговор. Я столкнулась с его глазами, и всего на секунду мне показалось, что они жестоко улыбаются.

— Перед смертью он успел отправить сообщение.

Я ждала продолжения, но отец замолчал, позволяя напряжению медленно разрастаться внутри меня. Он прекрасно умел использовать паузы. Люди начинали нервничать раньше, чем он произносил действительно важные вещи.

Где-то неподалёку со звоном разбился бокал. Молодая девушка в серебряном платье вздрогнула так сильно, будто ожидала нового нападения.

Никто больше не чувствовал себя в безопасности.

Наконец Севериан тихо произнёс:

— В северных пустошах кто-то ищет Сердце Ночи.

На мгновение мне показалось, что шум в ушах исчез. Название было знакомым, как старый кошмар, который невозможно запомнить полностью, но он всегда будет храниться под сознанием. Я его слышала ещё много лет назад, до смерти Аэриса. Тогда брат разговаривал с отцом в библиотеке и я подслушала часть их спора. Помню, как Аэрис замолчал, увидев меня у двери. Никогда не забуду взгляд отца и то, что на следующее утро часть архивов дома оказалась закрытой даже для меня. После смерти брата о Сердце Ночи никто не говорил, словно сама память стирала любые воспоминания о нем.

— Это всего лишь легенда, — произнесла я, хотя уверенности в собственных словах уже не чувствовала.

— Надеюсь, — ответил отец.

И именно тогда мне стало по-настоящему страшно.

Потому что Севериан Вельмор не боялся древних сказок. Он вообще редко чего-то боялся. За всю жизнь я видела тревогу в его глазах лишь однажды — в день, когда во дворец привезли тело Аэриса.

И сейчас в его взгляде мелькнуло что-то очень похожее.

— Кто ещё знает? — спросила я.

— Пока никто.

Ложь была настолько очевидной, что я едва не поморщилась.

Если речь действительно шла о Сердце Ночи, значит Совет уже обсуждает возможную угрозу. Ардейны наверняка стягивают солдат к северным границам, а Солвейн готовится объявить о возвращении тьмы.

Тогда почему отец говорит об этом мне только сейчас?

И почему именно меня собираются отправить на север?

Наверное, эти мысли слишком явно отразились у меня на лице, потому что Севериан спокойно произнёс:

— Ты поедешь не как наследница Вельморов.

Мне сразу не понравился его тон.

Он говорил так, будто решение уже давно принято и моё мнение ничего не изменит.

— А как кто?

Отец внимательно посмотрел на меня, и я вдруг вспомнила тренировочный зал дома Ардейн, где наставники проверяли остроту клинков перед поединками. Тот же холодный, оценивающий взгляд.

— Как приманка.

Сначала я решила, что ослышалась.

В зале кто-то тихо всхлипнул. Снаружи за окнами медленно двигался серебристый туман, а свет люмен-кристаллов отражался на мраморе бледными пятнами.

Все вокруг внезапно стало каким-то далёким.

— Повтори, — медленно сказала я.

— Тот, кто устроил нападение сегодня, охотился не за мной.

Я почувствовала, как внутри поднимается горячая, почти удушающая злость.

— И ты решил использовать это?

— Я решил не тратить чужие смерти впустую.

Он произнёс это абсолютно спокойно. Будто человеческие жизни были очередным ресурсом, вроде золота или кристаллов. И именно это разозлило меня сильнее всего. Я резко шагнула ближе, чувствуя запах вина, дерева и табака. Я впервые не боялась смотреть в лицо Севериану со злостью и презрением.

— Сегодня погиб человек.

— Люди погибают каждый день, Элинар.

— Во дворце Вельморов?! Посреди бала?!

Несколько человек неподалёку тут же обернулись на мой голос, но мне было все равно. Впервые за весь вечер страх исчез, уступив место ярости.

— Кто-то проник сюда, отключил кристаллы, убил твоего стражника, а ты уже думаешь о том, как превратить меня в наживку?

Севериан смотрел на меня так спокойно, что хотелось разбить что-нибудь о стену.

— Именно поэтому ты и поедешь.

И вдруг я поняла. Он принял это решение ещё до начала бала.

Возможно, именно поэтому отец предупредил меня заранее.

Возможно, он ожидал нападения. Возможно...

От этой мысли по коже пробежал настоящий холод.

— Ты что-то скрываешь, — тихо сказала я.

Севериан снова ответил не сразу. Его взгляд уже второй раз скользнул к телу убитого стражника, и впервые за весь разговор мне показалось, что отец выглядит уставшим. Не старым — Севериан Вельмор никогда не выглядел старым — но человеком, который слишком долго удерживает что-то опасное под контролем.

А потом он негромко произнес:

— Если я прав, Элинар, то сегодняшняя ночь — только начало.

Глава 2

К утру Люцерис снова пытался выглядеть бессмертным. Из высоких окон западного крыла дворца город казался таким же, как всегда: белые башни медленно загорались в бледном утреннем свете, над каналами стелился серебристый туман, а люмен-фонари, ещё не успевшие погаснуть после ночи, мерцали серебром сквозь влажную дымку. Солнца видно не было — его заволокли густые облака, словно лишь небо не хотело радоваться сегодняшнему дню. Только теперь и я хорошо знала, насколько хрупкой была эта красота. Столица ненавидела следы смерти, она всегда старалась спрятать их как можно быстрее — под светом, музыкой, золотом и безупречными улыбками. Будто если зажечь люмен-кристаллы, можно убедить людей, что тьмы не существует.

Я медленно затянула ремешок кожаной перчатки и перевела взгляд на собственное отражение. Тёмный дорожный костюм сидел непривычно, слишком мало шелка и украшений. Волосы были собраны высоко и туго, чтобы не мешали в дороге, а за спиной вместо церемониального плаща лежал тяжёлый дорожный плащ из северной шерсти.

Вот так наследница Вельморов исчезла. В зеркале стояла женщина, больше похожая на офицера Ардейна, чем на дочь Золотого Дома. И мне это нравилось сильнее, чем следовало.

На кровати лежал меч: тонкий, изящный, с серебристой гардой и гербом Вельморов у основания клинка — золотым солнцем и тёмной трещиной посередине. Подарок отца на моё шестнадцатилетие.

«Настоящая власть должна уметь защищать себя сама» — сказал он тогда. И в тот момент его слова звучали как похвала. Но лишь позже я поняла: отец никогда не делал ничего просто так. Даже подарки.

Я взяла в руки меч, ощущая холодную, почти ледяную кожу рукоятки и несколько секунд стояла неподвижно, привыкая к тяжести оружия. Металл всегда успокаивал меня, вселял уверенность — ведь он, в отличие от людей, всегда был честен. Он не улыбнется тебе за ужином, чтоб потом всадить нож в спину.

За окном медленно двигался туман. Даже днём он не уходил полностью, просто становился светлее, растворяясь между мостами и белыми башнями Люцериса. Иногда мне казалось, что столица похожа на женщину, которая слишком щедро поливает себя духами, пытаясь скрыть запах болезни.

В дверь тихо постучали, но даже от тихого стука я вздрогнула, боясь приближения своей участи.

— Войдите.

Лиорен Вельмор вошла почти бесшумно, как всегда. Мать вообще двигалась так тихо, будто за годы жизни во дворце научилась существовать, не тревожа пространство вокруг себя. Иногда мне казалось, что она боится даже звука собственных шагов.

На ней было светлое утреннее платье без украшений, слишком простое для хозяйки Золотого Дома. Когда-то Лиорен считалась одной из самых красивых женщин Люцериса. Я помнила портреты в южной галерее: темные волосы, мягкая улыбка и глаза, в которых еще не было этой бесконечной усталости. Теперь мать почти никогда не улыбалась.

Её взгляд остановился на оружии: на мече, что до сих пор покоился на моих ладонях, на кинжале у моего бедра и на тёмной дорожной одежде. На мгновение в её глазах блеснуло что-то болезненное.

— Значит, слухи правдивы, — тихо произнесла она.

Я застегнула вторую перчатку и только потом подняла взгляд.

— Смотря какие.

Мать медленно подошла ближе. За окном слышался шум просыпающегося города: грохот колес по мостовой, крики торговцев у каналов, далёкий звон храмовых колоколов. Люцерис жил дальше. Будто ночью никто не умирал.

— Что отец отправляет тебя на север.

Я встретила с ней взглядом через зеркало, она выглядела бледнее обычного и впервые за долгое время — по-настоящему встревоженной.

— Он уже рассказал тебе?

— Только то, что считает нужным.

На губах Лиорен появилась едва заметная усталая улыбка, грустная и очень знакомая. Я видела такую у нее после смерти Аэриса.

— Значит, почти ничего.

Она подошла к окну и замерла, глядя в низ, на двор. И сейчас, я впервые заметила, как осунулись её плечи, хотя осанке моей матери всегда можно было позавидовать. Она даже бегала, если ей приходилось это делать, с гордой и прямой спиной. Несколько секунд мы молчали. И в этой тишине я слишком сильно ощутила детство.

Мне семь. Мать расчёсывает мне волосы перед зимним приёмом, в камине потрескивает огонь, а за окнами идёт снег.

— *Ты должна быть идеальной, Эли. Этот мир не прощает женщинам слабости.*

Тогда я думала, что она говорит о придворных дамах, но только теперь я осознаю: она говорила о мужчинах вроде моего отца.

— Элинар, — тихо произнесла Лиорен, все ещё не оборачиваясь, — север сейчас опаснее, чем был даже после войны.

Я спокойно пристегнула ножны к поясу и убрала туда меч, наслаждаясь скрипучим звуком стали.

— Север всегда опасен.

— Нет, — её голос дрогнул едва заметно и мне показалось, что я увидела слезу на её щеке. — Не так.

Я замерла. Мать редко позволяла эмоциям прорываться наружу, настолько редко, что любое изменение в её голосе звучало как крик. Медленно повернувшись, она посмотрела на меня так внимательно, будто пыталась запомнить. От этого взгляда внутри сжалось что-то тёплое и неприятное одновременно.

— Ты хочешь попросить меня остаться? — спросила я, ощущая некую потребность в её ответе. Мне хотелось думать, что есть ради кого возвращаться сюда. Живой.

Лирен долго молчала и наконец покачала головой.

— Нет.

Внутри что-то оборвалось. Этот ответ удивил меня сильнее, чем стоило бы. Мне захотелось прогнать её отсюда. Но я молчала.

Молчала даже тогда, когда Лирен подошла ко мне и осторожно поправила воротник моего плаща — привычным движением, от которого внутри неожиданно кольнуло что-то забытое. Так она делала перед каждым выходом на улицу, когда я была маленькая. Когда Аэрис был жив. Когда наш дом не казался таким холодным.

— Тогда зачем пришла?

Я вновь вернула самообладание, выгоняя из памяти картинки детских беззаботных вечеров. Этого уже не вернуть, ничего из прошлого не осталось. Глаза вмиг покрылись коркой льда, задевая сердце, душу и покалывая кончики пальцев холодом даже сквозь теплые перчатки. Одним взмахом руки я убрала её ладони от лица и сделала шаг назад, сохраняя привычное расстояние.

Мать подняла взгляд и я ещё раз убедилась в том, насколько она устала. Не физически. Так выглядят люди, которые слишком долго рядом живут со страхом. С моим отцом.

— Потому что однажды я уже позволила Вельморам забрать у меня одного ребёнка, — тихо сказала она. — И не хочу потерять второго.

Что-то болезненно дернулось внутри, но лицо осталось спокойным.

— Со мной ничего не случится.

Лиорен грустно улыбнулась.

— Аэрис говорил тоже самое.

Его имя повисло в комнате тяжёлой тенью. Во дворце почти перестали произносить его вслух, словно после смерти старшего наследника сам дом решил стереть все, что о нем напоминало. Его комнаты закрыли, портреты убрали, даже слуги старались не смотреть в сторону западного крыла, где раньше жил Аэрис. Но я все равно помнила. Помнила запах старых книг в библиотеке. Помнила, как он смеялся во время тренировок. Помнила, как однажды ночью он вывел меня на крышу дворца смотреть на город, залитый огнями.

«Когда-нибудь этот дом станет твоим, Элли. И ты должна решить, каким он будет».

— Я не Аэрис, — тихо сказала я.

— Именно это меня и пугает.

Я нахмурилась. Ещё бы мне не хватало, чтобы кто-то говорил загадками. Особенно Лиорен. Она вообще чаще всего предпочитала молчать.

— И что ты имеешь в виду?

Лиорен всмотрелась в моё лицо, словно пыталась найти там кого-то другого, кого-то знакомого ей и, когда не смогла найти, лишь поджала губы и опустила глаза в пол.

— Твой брат всегда пытался спасти других людей, даже если это разрушало его самого, — наконец произнесла она. — А ты научилась выживать любой ценой.

Её пальцы осторожно коснулись моей щеки. Тёплые и все такие же хрупкие.

И на мгновение мне вдруг захотелось закрыть глаза и просто остаться здесь, в этой комнате, где ещё можно было притвориться другой. Но желание исчезло также быстро, как и появилось.

В дверь резко постучали и мать одёрнула руку.

— Леди Вельмор, экипаж готов, — раздался голос слуги.

Я лишь кивнула и перевела взгляд на зависшую в воздухе ладонь матери.

— Тебя кто-то сопровождает? — спросила она после паузы

— Отряд Ардейна.

Я заметила, как напряглись её плечи.

— Только они?

Теперь уже я внимательно смотрела на неё.

— А кто ещё должен?

Лиорен опустила взгляд слишком быстро.

— Никто.

Ложь. И она знала, что я почувствовала её, поэтому не собиралась встречаться с моим взглядом так быстро. Именно так она делала, когда не хотела говорить мне правду.

Я уже открыла рот, собираясь спросить что-то ещё, но в этот момент за окнами дворца раздался крик. Резкий, испуганный и протяжный. А в следующую секунду над Люцерисом ударил колокол тревоги. Тяжелый звук прокатился над городом, заставив стёкла дрогнуть.

Первый удар

Второй.

Третий.

И все прекрасно знали, что это не городской и не храмовый звук. Военный. Я мгновенно подлетела к окну, замечая, как во внутреннем дворе началось движение — стража бежала к воротам, а слуги в панике переговаривались, пытаясь распределить задачи и унять трясущиеся руки, несколько лошадей резко заржали, чувствуя напряжение конюхов.

А потом я увидела туман. Он двигался непривычно ровно и медленно, неподдающейся ветру траекторией. Серебристая дымка густела прямо у дворцовых ворот, словно живая, расползаясь по белому камню длинными холодными языками.

И тут впервые в жизни я увидела, как стражники Люцериса делают шаг назад.

Колокол продолжил звучать над Люцерисом. Тяжелые удары прокатывались по городу, дрожью отдаваясь во всем теле. Я чувствовала вибрацию даже через пол — низкую, тревожную. Так звучал главный кошмар столицы.

Холод неприятно коснулся кожи на шее. Позади меня мать подошла ближе к окну, прикладывая ладони к губам.

— Светлые боги... — выдохнула она почти неслышно.

Я никогда раньше не слышала страха в её голосе настолько открыто. Внизу раздался чей-то крик. Один из стражников у ворот вдруг отшатнулся назад, выронив меч. Серебристая дымка уже стелилась вокруг его сапог, медленно поднимаясь выше, словно живая вода.

А потом мужчина закричал. Резко, хрипло, он понимал, что умирает.

Во дворе мгновенно начался хаос. Кто-то приказал закрыть ворота, а Арденийцы выстроились стеной, закрывая себя щитами. Слуги бросились внутрь дворца. И сквозь все это я вдруг услышала знакомый голос.

— Увести людей от тумана! Немедленно!

Кассиан Ардейн. Я увидела его почти сразу. Он быстро перескакал внутренний двор в сопровождении солдат Ардейна. Тёмный мундир был расстегнут у горла, будто его подняли по тревоге прямо посреди ночи. Серебряный герб дома Арден поблескивал на груди, а рука уже лежала на рукояти меча.

Кассиан двигался так, как двигаются люди, привыкшие к войне: быстро, чётко, без единого лишнего движения. Паника вокруг словно расступалась перед ним.

— Закрыть южные проходы! — Резко приказал он. — Никого не подпускать к воротам! Один из стражников замешкался и Кассиан даже не повысил голос.

— Либо ты начнёшь двигаться сейчас, либо я лично отправлю тебя чистить выгребные ямы гарнизона до конца жизни.

Парень исчез почти мгновенно. Несмотря на ситуацию, уголок моих губ едва заметно дёрнулся. Мать это заметила.

— Ты всегда слишком спокойно смотришь на хаос, — тихо сказала она.

Я отвела взгляд от окна.

— Паника бесполезна.

— Нет, Элинар. Просто ты слишком похожа на отца.

Слова ударили неожиданно сильно, но лицо осталось спокойным. Я слишком долго училась не реагировать, чтоб выдать, насколько её слова задели меня.

Внизу снова закричали, но на этот раз сильнее. Я резко повернулась к окну и заметила, как внутри что-то неприятно сжалось. Туман у ворот начал темнеть. Серебристая дымка медленно становилась серой, густой, почти чёрной у самой земли. Она ползала между сапогами солдат, цеплялась за ступени и забиралась на стены. И люди боялись к ней прикасаться. Ардейны. Элитная стража Империи. Боялись. Это было хуже любого крика.

— Что это такое? — тихо спросила я.

Мать долго молчала.

А потом произнесла то, от чего холод окончательно пробрался под кожу:

— То, что не должно было вернуться.

Я резко повернулась к ней.

— Ты знаешь, что происходит.

Лиорен закрыла глаза всего на секунду, но этого хватило, чтоб страх укрепился во мне ещё сильнее, вызывая к желанию реветь.

— Мама! — мой голос надорвался и вместо крика от стен отразился глухой писк.

Она впервые за долгое время посмотрела на меня так, как смотрит любящее мать на своё дитя, но помимо любви в её глазах читался ужас. Но не ужас перед моим отцом, не ужас за собственную жизнь, не страх происходящего. Страх за меня. Моя мать была в ужасе.

— Когда-то туман был другим, — тихо сказала она. — До войны. До раскола. Люди называли его Дыханием Ночи.

— Это связано с Сердцем Ночи?

Лиорен не ответила. Вместо этого она подошла ближе и неожиданно коснулась моих щёк обеими руками.

Тёплые ладони и дрожащие пальцы нежно поглаживали кожу, а я запоминала ощущения от прикосновений матери, надеясь, что это был не последний раз.

— Когда доберешься до севера... не верь никому, кто говорит, будто свет всегда был прав.

У меня внутри словно что-то оборвалось, потому что такие слова в доме Вельмор были почти изменой.

— Если отец услышит...

— Твой отец уже слишком много лет слышит только самого себя.

В её голосе я услышала тихую и давно подавленную злость.

Внизу во дворе вспыхнул яркий свет. Кто-то из магов Ардейна активировал очищающие кристаллы. Белое сияние ударило по туману, заставляя отступить его от ворот, но всего на несколько футов. Именно это пугало меня и всех, кто сражался с туманом внизу. Ведь свет всегда побеждал тьму. Так нас учили — так говорил Солвейн, так говорил отец, так говорил весь Люцерис. Но сейчас туман не исчезал. Он словно... сопротивлялся. В дверь резко постучали, с такой силой, что та сама распахнулась.

— Леди Вельмор, — раздался голос за порогом, — командор Ардейн просит вас немедленно спуститься во двор.

Я в последний раз встретилась с матерью взглядом и она лишь коротко кивнула, отпуская меня. В этот момент я поняла: после этой минуты все изменится окончательно. Не только для меня. Для всего Элариона.

Глава 3

К моменту, когда я спустилась во внутренний двор, колокол тревоги продолжал звучать над Люцерисом. Его глухие удары прокатывались над городом, отражаясь от белых башен и стеклянных куполов, а потом уходили дальше, растворяясь где-то над каналами и крышами домов. Обычно, этот звук заставлял людей действовать быстро и слаженно: становиться в строй, вытаскивать мечи из ножен и седлать коней. Сегодня же он заставлял людей плотнее закрыть окна и двери домов, а также прятаться в подвалах и погребях. Он напоминал всем вокруг о том, что происходит нечто неправильное.

Дворец никогда не выглядел таким живым. Слуги бежали через двор с ящиками и свёртками, солдаты переговаривались, не зная, что от конкретно от них требуется. Маги Солвейна стояли возле ворот, поддерживая плетения света, от которых воздух дрожал, словно над раскаленным металлом. И всё же никто не чувствовал себя в безопасности.

Я остановилась на последней ступени и подняла взгляд к главным воротам. Туман всё ещё был там и сражался не хуже придворных магов. За последние пол часа им удалось оттеснить его от стен дворца, но не более того. Серебристая масса более не касалась ворот, не стелилась по внутреннему двору и не касалась ног солдат своими холодными щупальцами, но с каждым ударом сердца она становилась всё темнее и гуще. Словно туман терпеливо ждал, что рано или поздно настанет его время. По коже пробежал знакомый холод. История империи, которой каждого жителя Люцериса учили с детства гласила, что свет сильнее тьмы. Что люмен-кристаллы способны очистить всё, к чему прикоснутся. Что именно благодаря им Люцентия существует до сих пор, но сейчас десятки магов тратили силы лишь на то, чтоб удерживать его хотя бы на расстоянии от наших ворот.

— Леди Вельмор.

Голос заставил оторвать взволнованный взгляд от главного входа и обернуться. Кассиан Ардейн стоял возле группы солдат и внимательно наблюдал за происходящим. Его тёмный мундир всё также был расстёгнут у горла, только серебряный герб потускнел под слоем дорожной пыли и влаги. Впервые за долгое время я видела его таким растерянным.

— Командор.

— Мы заканчиваем подготовку и выезжаем.

Я посмотрела ему за спину и заметила выстроенные во дворе экипажи. Их оказалось больше, чем я ожидала: три грузовые повозки, две кареты, почти сорок солдат. Слишком много для расследования пропажи одного каравана.

Кассиан заметил мой взгляд.

— Ваш отец предпочитает осторожность

— Нет, — тихо сказала я. — Мой отец предпочитает контроль.

На губах командора появилась слабая улыбка, слишком заметная, чтоб считать её настоящей.

— Возможно.

Я снова посмотрела на туман. Серебристая масса медленно перекатывалась вдоль дороги за воротами, иногда ветер поднимал её верхние слои и тогда она напоминала море во время шторма. Море, которое способно убивать.

— Насколько всё плохо за пределами столицы?

Сейчас она поняла, что никогда не интересовалась людьми, которые жили за пределами её досягаемости.

Некоторое время Кассиан молчал и смотрел туда же, куда и я. Не на туман, а на север и дорогу, через которую нам предстоит пройти.

— Вы когданибудь покидали Люцерис?

Его вопрос не казался насмешливым, но от чего-то мне всё равно стало неприятно.

— Нет.

— Тогда вам многое не понравится

Я усмехнулась.

— Очень обнадеживает.

— Я не пытаюсь вас обнадежить.

На этот раз улыбка исчезла окончательно.

— Люди в столице считают, что живут в центре мира. Им кажется, будто весь Эларион выглядит также, как Люцерис.

Он обвёл рукой дворец, указывая на белый камень, золотые купола, высокие башни и горящие люмен-кристаллы.

— Но чем дальше на север, тем меньше становится света.

Я невольно вспомнила слова матери и в груди неприятно сжалось. За последние сутки слишком много людей начали говорить странные и непонятные мне вещи.

— Что вы знаете о Сердце Ночи?

Кассиан замер, его глаза расширились, это произошло всего на мгновение, но этого хватило, чтоб я заметила.

— Ничего, что следовало бы обсуждать при дворце.

Командор Ардейн умел лгать значительно лучше, значит мои слова заделали что-то у него внутри.

Я уже собиралась продолжить разговор, когда движение возле лестницы заставило всех одновременно замолчать. Во двор вышел Севериан Вельмор. Шум никуда не исчез — люди также продолжили работать и двигаться, но никто не спешил говорить.

Севериан спускался по лестницам спокойно и размеренно. На нём был безупречный чёрный камзол без единой складки. На лице ни единого признака усталости. Он шёл так, будто всё происходящее вокруг — ежедневная рутина, не требующая его внимания.

Отец задержал взгляд на воротах всего на несколько секунд и этого хватило, чтоб напряжение в глазах стражи усилилось. Маги продолжили удерживать защитный контур, солдаты быстрее стали заниматься подготовкой к отъезду, прекратив разговоры и, кажется, даже лошади стали нервничать ещё сильнее. Люди старались делать вид, что заняты работой, однако каждого из них интересовало лишь одно — испугается ли Севериан Вельмор.

Конечно, он не испугался. По крайней мере не так, как это сделали остальные. Отец медленно подошел к самому краю защитного круга, где белый свет люмен-кристаллов становился особенно ярким. Обычно его золотистые волосы казались почти светлыми, но сейчас, на фоне серого неба и тумана они потемнели.

Несколько магов заметно занервничали. Я видела это потому, как один из них слишком сильно сжал посох, а второй неосознанно отступил назад. Их можно было понять — если защитный контур даст трещину, Севериан окажется первым человеком, которого коснётся туман.

Однако отец, казалось, совсем не воспринимал опасность. Он внимательно рассматривал серую дымку с тем выражением лица, с которым обычно рассматривал государственные отчёты или карты северных территорий, словно пытался решить очередную задачу.

Это заставило меня нахмуриться. Севериан никогда не относился к туману легкомысленно. После смерти Аэриса любое упоминание северных земель меняло его настроение сильнее, чем он хотел показать. Он никогда никому не говорил об этом, не повышал голос и не выдавал лицом, но я слишком долго прожила с ним, чтоб не замечать такие вещи. Поэтому сейчас меня пугал не столько туман, сколько выражения лица отца. Он выглядел так, словно то, что он видит, лишь больше подтверждало все его подозрения.

— Ты доволен? — неожиданно для самой себя спросила я.

Севериан отшатнулся и перевел взгляд на меня.

— Доволен?

— Ты выглядишь так, будто получил то, что хотел увидеть.

Где-то неподалёку заржала лошадь и я вздрогнула. Но не столько от звука, сколько от пристальных голубых глаз отца.

Я так и не дождалась его ответа. Один из магов возле ворот резко пошатнулся и опустился на одно колено. По защитному контуру пробежала дрожь.

Белые линии света, растянувшиеся между люмен-кристаллами, на мгновение потускнели, заставив всех во дворе одновременно напрячься. Несколько солдат мгновенно схватились за оружие, словно ожидали, что туман воспользуется мимолётной слабостью. И, кажется, он действительно попытался. Серая масса за воротами пришла в движение.

Раньше мне казалось, что туман просто существует. Лежит между деревьями, ползёт по дорогам, цепляясь за камни и воду. Но сейчас я увидела совсем другое — он реагировал, совсем медленно, чувствуя колебания магии. Несколько языков дымки потянулись вперёд, скользя по земле, пока свет снова не стал ярче. Только он заставил туман остановиться. По двору пронёсся общий выдох облегчения.

Я невольно стиснула пальцы.

— Это происходит впервые?

Его взгляд всё ещё смотрел на ворота.

— Нет.

От этого короткого слова внутри что-то оборвалось. Раздражение накатывало волнами от того, что его приходится заставлять говорить мне правду, хотя я наследница Вельморов и имею право знать.

— Как давно?

— Несколько месяцев.

Я резко повернула голову.

— Несколько месяцев?!

Теперь уже он посмотрел на меня и в его взгляде читалось... спокойствие?

— Ты удивлена?

— Ты только сейчас решил рассказать об этом?

— Я только сейчас решил отправить тебя на север.

Раздражение вспыхнуло мгновенно. Наверное, именно поэтому разговоры с Северианом всегда оканчивались одинаково. Он умел отвечать так, что собеседник чувствовал себя ребёнком, задающим неправильные вопросы. Я ненавидела это. Особенно потому, что иногда он действительно оказывался прав.

Позади нас раздался топот копыт. Во двор въехал отряд Ардейнов. Их лошади были покрыты дорожной пеной, а лица солдат выглядели так, будто они гнали животных без остановки несколько часов подряд.

Один из всадников спрыгнул на землю и направился к Кассиану, даже с моего места было видно, насколько он взволнован. Он быстро о чем-то сообщал командору, стараясь не выдавать лишнего эмоционального напряжения. Но я чувствовала, что что-то не так, судя по тому, как меняется лицо Кассиана. Оно никогда не было довольным, по крайней мере, я таким его не видела, однако сейчас его лицо стало ещё мрачнее.

Он быстро подошёл к нам и быстро поклонился. Даже в такой обстановке соблюдал формальности перед моим отцом.

— Леди Вельмор, пост на южной дороге перестал отвечать.

Для меня стало удивлением, что обращается он не к Севериану. Сам отец никак не реагировал, лишь слегка приподнял бровь.

— Когда? — наконец спросил он.

— Около часа назад.

На несколько секунд между мужчинами повисло молчание. Я заметила, как напряглись ровные плечи Кассиана в ожидании приказа. И почему-то мне показалось, что он уже знает, каким будет ответ.

— Продолжайте подготовку к отъезду, — спокойно произнес отец.

Командор нахмурился сильнее:

— Возможно, стоит увеличить сопровождение.

— Нет.

— Лорд Вельмор...

— Нет.

Голос Севериана оставался таким же ровным, не терпящим возражений. Он уже всё решил. А что, если отец ожидал не только нападение во дворце? Что, если ожидал всё это? Туман, потерянные караваны, исчезновения и мою поездку на север. От этой догадки по коже побежали мурашки, потому что существовал лишь один человек страшнее врага, которого ты не понимаешь — человек, понимающий врага слишком хорошо.

Севериан медленно повернулся ко мне.

— Тебе пора ехать.

Он смог сказать мне всего три слова.

Несколько секунд я смотрела на отца, надеясь, что он скажет что-нибудь ещё. Что-нибудь, что позволило бы мне понять, почему мать выглядела так, будто прощается со мной навсегда. Почему туман вдруг начал сопротивляться свету и главное, почему после двух лет молчания имя Сердца Ночи снова звучит во дворце Вельморов.

Но Севериан молчал. И чем дольше длилась его тишина, тем больше я убеждалась в том, что ничего больше от него не услышу.

С самого детства мне хотелось хотя бы раз заставить его ответить честно, без недомолвок и бесконечных игр. Мне хотелось перестать быть очередной фигурой на его шахматной доске.

Когда-то мне казалось, что Аэрис умел это делать. Он был единственным человеком, рядом с которым отец переставал быть правителем, я всё ещё помнила их редкие разговоры после которых брат получал своё. Я никогда не слышала такого настойчивого голоса и приказного тона ни у кого другого, как у Аэриса при разговоре с отцом. Даже у меня. Особенно у меня.

Я резко отвела взгляд. Даже спустя два года воспоминания о брате оставались похожими на старый клинок — снаружи металл давно потускнел, но стоило прикоснуться чуть сильнее и он снова начинал резать.

— Леди Вельмор, выдвигаемся.

Голос Кассиана заставил меня вернуться в реальность.

Во дворе уже заканчивали подготовку, последние ящики закрепляли на повозках, солдаты занимали свои места, а несколько магов снимали часть защитных кристаллов, готовя их к транспортировке.

Я обернулась на дворец. Высокие белые стены поднимались над внутренним двором почти до самого неба. Утренний свет скользил по мрамору, отражаясь от стеклянных арок и золотых украшений. Люцерис по прежнему был прекрасен. Безупречен. Почти нереален. Я выросла среди этих стен, знала каждый коридор, каждую галерею и каждый тайный проход, который Аэрис показал мне ещё в детстве. Когда-то я думала, что весь мой мир будет выглядеть так: светлым, величественным и безопасным. Теперь я уже не была уверена ни в чем.

Странное чувство поднялось внутри, когда я смотрела на дворец. Мне никогда особенно не нравилось это место, слишком много воспоминаний о брате, много правил и много Севериана. И всё же, мысль о том, что через несколько минут я покину его впервые в жизни, заставила сердце болезненно сжаться. Наверное, так чувствуют себя птицы, которым впервые открыли клетку. Даже если эта клетка была золотой. И, даже если они мечтали о свободе, то все равно

боятся сделать первый шаг, потому что за прутьями их ждёт неизвестность. А неизвестность страшнее любых стен.

— Элинар.

Я вздрогнула. Отец редко называл меня по имени дважды подряд, обычно одного раза было достаточно.

Когда я подняла голову, он стоял уже совсем рядом. Настолько близко, что я могла рассмотреть тонкие морщины возле его глаз.

— Что?

Отец поднял руку и раскрыл ладонь. На ней лежал серебряный предмет. Сначала я решила, что это медальон. Но когда взяла его в руку, поняла, что ошиблась. Это оказался очень старый дорожный компас, настолько старый, что серебро местами потемнело от времени. На крышке был выгравирован герб Вельморов.

— Зачем мне это?

Я нахмурилась.

— Он принадлежал Аэрису.

На секунду мир качнулся и словно стал темнее. Я смотрела на компас в своей руке и не могла заставить себя пошевелиться. Вещей брата почти не осталось, после его смерти дворец избавился от них с пугающей скоростью, стёр все его следы. Именно поэтому потёртая вещь в моих руках ощущалась гораздо тяжелее меча.

— Где ты его нашёл?

— Среди вещей Аэриса.

Я медленно провела пальцем по холодному металлу. В памяти всплыла картинка.

Мне было лет двенадцать, мы с братом стояли на одной из дворцовых башен. Ветер трепал его волосы, а в руках он держал этот самый компас и рассказывал мне о северных дорогах, которые сам тогда еще не видел.

— *Любая карта врёт, Элли.*

— *Что?*

— *Она показывает, где находятся города. Но никогда не показывает людей.*

Тогда я долго смеялась над его словами. Теперь почему-то захотелось плакать. Именно поэтому я быстро закрыла крышку компаса, пока никто не успел заметить выражение моего лица.

Я поместила компас во внутренний карман плаща и подняла голову, увидев, что всё было готово к отъезду: солдаты уже сидели в сёдлах, повозки закрепились одна за другой, маги закрепляли последние люмен-кристаллы вдоль бортов, превращая обычный караван в медленно движущуюся крепость света. Тем временем туман за воротами продолжал ждать, словно знал, что совсем скоро мы сами двинемся к нему на встречу.

— Пора, — произнес Кассиан.

Я кивнула и направилась к своей лошади.

Гнедая кобыла медленно перебирала копытами и косила глазами в сторону ворот. Животные всегда чувствовали опасность раньше людей. Конюх передал мне повод и поспешил отойти, словно хотел оказаться как можно дальше от предстоящего путешествия.

Я легко поднялась в седло. С детства мне нравились верховые прогулки, хотя отец предпочитал видеть меня за книгами или на тренировочных площадках. Аэрис же всегда говорил, что человек начинает по-настоящему понимать мир только тогда, когда покидает стены родного дома. Тогда я почему-то считала это очередной красивой фразой, а сейчас ощущаю её на собственной шкуре.

Ворота начали медленно открываться, донося тяжёлый скрежет металла о камень и с таким же звуком моё сердце окутывал страх. Не страх перед севером или туманом. А страх перед неизвестностью, потому что впервые не знала, что ждет меня завтра.

Мы медленно выехали за ворота. Впереди меня верхом ехало около десятка солдат и ещё больше позади. Я даже боялась сосчитать их количество. Туман расступился, когда люмен-кристаллы вспыхнули перед ним ярким светом. На мгновение мне показалось, что я услышала его крик, недовольное ворчание, от чего по шее прошла холодная дрожь. Я впервые видела его таким: свирепым и неподатливым.

Караван двигался медленно, слишком медленно для людей, привыкших решать проблемы скоростью и силой, но иначе было невозможно. С каждым нашим шагом туман оставался позади, стараясь всё также пробиться за ворота дома Вельморов. Моего дома.

Узкие улицы центральной части Люцериса никогда не строились для военных отрядов. Белые мосты соединяли кварталы над каналами, повозки цеплялись колёсами за каменные бордюры, а улицы были пусты после утренней тревоги. Я ехала рядом с Кассианом и впервые за долгое время позволила себе смотреть по сторонам не из высокой террасы и не из окон дворца. Обычно в это время Люцерис уже просыпался, торговцы открывали лавки, по мостам спешили посыльные, а из пекарен доносился запах хлеба. Сегодня столица молчала. Большинство окон были закрыты ставнями, двери домов заперты. Даже многочисленные мосты, соединявшие кварталы города стояли пустыми. Лишь изредка за стеклом мелькала чья-то фигура, тут же исчезающая в глубине комнаты. Люди прятались и их нельзя было в этом винить. Я видела следы паники повсюду. Возле одного из домов кто-то второпях забил окна деревянными досками, у дверей небольшой лавки лежали брошенные ящики с фруктами, которые хозяин даже не стал заносить внутрь, на площади возле хлама Света собралась небольшая толпа. Люди стояли на коленях прямо на холодном камне и молились. Туман пришел только ко дворцу, он не тронул горожан и их дома, но даже это казалось для простых людей настоящей катастрофой. Когда наш отряд проезжал мимо, никто даже не поднял головы. Раньше такое показалось бы невозможным, Люцерис обожал смотреть на Ардейнов, потому что их силе нет равных, любил смотреть на Вельморов, потому что мы воплощаем ум и власть. Сегодня людям было не до нас. От этой мысли стало неудобно. Мне всегда казалось, что страх существует где-то за пределами столицы — в северных пустошах, на забытых дорогах или в деревнях, куда не доходили караваны. Но не здесь. Не среди белых башен и света люмен-кристаллов, не в городе, который столетиями назывался сердцем Империи. Однако страх оказался куда ближе, чем думал каждый из нас, он не скрывался за ставнями или в пустых улицах, а всегда был среди нас — отражался в тёмных окнах домов и каждый день проплывал мимо наших дверей.

Кассиан ехал впереди, внимательно осматривая улицы. Несколько раз он посылал солдат проверить боковые переулки, хотя там никого не было. Я уже собиралась спросить, что именно он ищет, когда заметила странную деталь. На одном из нас погас люмен-фонарь. Всего один. Небольшая сфера висела над водой абсолютно темной. Я невольно придержала лошадь.

— Командор.

Кассиан обернулся.

— Что?

Я указала на фонарь.

— Он не работает.

Ардейн, кому принадлежал этот фонарь, нахмурился.

Сначала Кассиан не понял, о чем идёт речь, но потом проследил за моим взглядом и резко натянул поводья. Несколько секунд он пристально смотрел на тёмный кристалл, словно пытался понять, чего это может им стоить. А затем резко прищипорил коня.

— Не останавливаемся, — приказал он наконец.

Я удивлённо посмотрела на него.

— Это всего лишь один фонарь, у нас таких десятки, — сказал он.

— Возможно.

Северные ворота столицы показались впереди неожиданно быстро: огромные, белоснежные, украшенные золотыми символами Света. Я видела их сотни раз, с балконов дворца, на картинах и картах. Но никогда не стояла рядом, никогда не смотрела на них снизу вверх за свои двадцать лет. Я даже подумать не могла, насколько маленькой себя ощущаешь рядом с ними.

Ворота были закрыты, но я знала, что за ними начиналась настоящая дорога. Я невольно обернулась. Люцерис возвышался за моей спиной, сияя даже под тяжелым серым небом. Башни уходили вверх, словно пытались дотянуться до облаков. В детстве мне казалось, что он похож на сказку, а сейчас я впервые увидела другое. Сейчас они стали напоминать крепость. Нет, клетку. Красивую, роскошную, но всё таки клетку. И впервые в жизни мне предстояло оказаться по другую сторону решётки.

Глава 4

К полудню стало ясно, что дороги Империи выглядят значительно хуже, чем на картах. В детстве я любила проводить время в архиве, где огромные карты Элариона занимали целые стены, а старые картографы изображали дороги широкими и ровными линиями, словно путешествие между городами было таким же простым, как прогулка по дворцовому саду.

Реальность оказалась менее впечатляющей. Колёса повозок то и дело попадали в выбоины, оставшиеся после весенних дождей. Лошади нервничали каждый раз, когда порыв ветра приносил с полей клочья серебристого тумана. Даже солдаты Ардейна больше не выглядели такими уверенными, как утром. Чем дальше мы отдалялись от Люцериса, тем меньше становилось света. Это нельзя объяснить словами, люмен-кристаллы все ещё встречались вдоль дороги, но уже не через каждые несколько шагов, как в столице. Теперь между ними оставались десятки ярдов пустоты и мир из-за этого стал выглядеть иначе: темнее, страшнее.

Я подняла голову к небу. Солнце по-прежнему пряталось за облаками, серые поля тянулись до самого горизонта, изредка прерываясь небольшими рощами и редкими поселениями. Несколько раз нам попадались крестьяне, однако при виде солдат они быстро уходили с дороги, уступая путь каравану. Никто не приветствовал нас, не махал рукой и не улыбался. Люди просто настороженно смотрели, словно присутствие вооружённого отряда могло принести новые проблемы. Наверное, так оно и было.

— Вы слишком много думаете.

Я перевела взгляд на Кассиана. Командор ехал рядом уже почти час. Большую часть времени он молчал, внимательно следя за дорогой, но каким-то образом всё равно замечал происходящее вокруг лучше остальных.

— А вы слишком часто наблюдаете за мной.

— Это моя работа.

— Следить за наследницами?

— Следить за проблемами.

Я невольно усмехнулась

— И какой вывод?

— Пока не решил.

Мне хотелось съязвить, но неожиданно впереди показалась деревня. Небольшая, всего несколько десятков низких крыш. Вокруг был возведён деревянный частокол, а над воротами горел люмен-кристалл. Точнее то, что от него осталось.

Я невольно нахмурилась. Когда-то этот кристалл был размером с человеческую голову, а теперь от него остался лишь тусклый серебристый осколок.

— Почему его не заменили?

Кассиан проследил за моим взглядом.

— Потому что новый стоит дороже, чем эта деревня может себе позволить.

Ответ заставил меня замолчать и снова взглянуть на дома, вокруг которых стояли покосившиеся заборы, а от дождя защищали крыши, требующие ремонта. Я увидела женщину, которая набирала воду из колодца и выглядела старше своих лет минимум на двадцать.

Странно. В столице никогда не говорили об этом, а в отцовских отчётах всё выглядело иначе, гораздо лучше. Словно за пределами Люцериса существовала совсем другая империя, а не Люцентия.

Возле колодца стояли двое мальчишек лет десяти, они заметили наш отряд почти сразу. Один из них что-то быстро сказал другому, после чего оба бросились к воротам. Но не для того чтоб посмотреть на нас и не из-за любопытства, они бежали домой. Они бежали прятаться. И который раз за день я почувствовала знакомое неприятное ощущение, то самое, которое

появилось во дворце после слов матери. Словно вся империя знает нечто важное. То, чего не знаю только я.

Мы проехали деревню, не останавливаясь. Никто из жителей не вышел проводить отряд взглядом так, как это делали в Люцерисе. Люди словно старались лишней раз не показываться на улице. Несколько раз я замечала движение за занавесками, но стоило повернуть голову, как силуэт тут же исчезал. И это раздражало. Не потому что меня задевало отсутствие внимания, а потому что я не понимала причин.

— Они боятся?

Вопрос прозвучал неожиданно даже для меня самой. Кассиан некоторое время смотрел вперёд, словно решая, стоит ли отвечать.

— Конечно.

— Нас?

— Всего.

Меня такой ответ не устроил.

— Очень содержательно.

— Вы хотите длинную версию или честную?

— Разве они отличаются?

На этот раз командор действительно усмехнулся.

— Обычно да.

Несколько минут мы ехали молча. Дорога постепенно уходила от деревни, а поля по обе стороны становились всё более пустыми. Владе ле виднелась старая часовня Света. Когда-то её стены были белыми, но теперь камень потемнел от времени и дождей, колокол отсутствовал, а часть крыши обвалилась внутрь. Я проводила взглядом разрушенное здание. В столице подобное восстановили бы за несколько дней, здесь же оно медленно умирало.

— Люди боятся тумана, — наконец сказал Кассиан. — Боятся зимы, боятся голода. Боятся налоговых сборщиков и разбойников. Боятся северян и империю. Боятся, что однажды проснутся и обнаружат, что люмен-кристалл над деревней погас.

Он говорил спокойно, словно рассказывает детям сказку перед сном, а не чужие кошмары.

— Но ведь империя защищает их.

Слова прозвучали увереннее, чем я чувствовала себя на самом деле. Кассиан медленно повернул голову.

— Защищает.

На мгновение мне показалось, что он хочет сказать что-то ещё, но промолчал. И почему-то молчание оказалось красноречивее любых его слов.

Ветер усилился, а с полей потянуло сыростью. Я запахнула плащ сильнее и посмотрела на горизонт. Чем дальше мы уезжали от Люцериса, тем меньше становилось следов цивилизации. Дорога становилась всё хуже, каменные указатели попадались всё реже. Мир становился больше и пустее одновременно.

К вечеру небо окончательно затянуло облаками, а солнце за весь день так и не появилось. Серый свет медленно угасал, растекаясь по просторам вокруг нас. В какой-то момент я заметила, что солдаты стали чаще поглядывать назад, туда, где постепенно сгущались сумерки. Сначала мне показалось, что они просто устали. Потом один из них незаметно коснулся виска на шее небольшого амулета Света и перевел коня на рысь, догоняя товарищей. В воздухе клубилась тревога.

Наконец впереди показалась дорожная станция — каменное здание с высоким забором и собственным защитным кристаллом на воротах. Я уже открыла рот, собираясь спросить, почему мы останавливаемся так рано, когда заметила как все солдаты одновременно выдохнули, словно добрались до безопасного места.

— Мы могли проехать ещё несколько часов.

— Могли.

— Тогда почему остановились?

Командор посмотрел на темнеющее небо и его лицо вдруг стало серьёзным, но не как у военного, а как у человека, который вспоминает что-то неприятное.

— Потому что через час стемнеет.

Я нахмурилась.

— И?

Кассиан нахмурился мне в ответ.

— За пределами Люцериса ночь — это не просто отсутствие солнца, леди Вельмор.

И впервые за весь день мне стало не по себе настолько сильно, что захотелось немедленно узнать продолжение. Однако продолжать Кассиан не стал. Он спрыгнул с лошади ещё до того, как ворота дорожной станции открылись полностью, и сразу направился к смотрителю. Мужчины обменялись несколькими короткими фразами, после чего командор нахмурился ещё сильнее и я начала подозревать, что это его естественное выражение лица.

Внутренний двор станции оказался значительно больше, чем выглядел с дороги. Высокий частокол окружал несколько каменных построек, склады, конюшню и длинное двухэтажное здание для путников. Над воротами, как и в деревне, висел люмен-кристалл. Правда в отличие от столичных, его свет был тусклым и каким-то болезненным. Наверное, именно так выглядело большинство кристаллов за пределами Люцериса — не сияющей луной, а побитым временем инструментом выживания.

Пока солдаты устраивали лагерь, я медленно спешила и огляделась. Несколько путников уже находились на станции: купеческий обоз занимал дальний угол двора, возле колодца сидели двое охотников в потрепанных плащах, ещё несколько человек торопливо заносили вещи в здания, словно боялись не успеть до наступления темноты. Смотря на них, меня снова охватило чувство ожидания тревоги. Я посмотрела на небо. До заката оставалось ещё достаточно времени, по крайней мере, мне так казалось.

— Они ведут себя так, будто конец света наступит через несколько минут.

— Для вас, госпожа, может и не наступит

Голос прозвучал рядом настолько неожиданно, что я вздрогнула. Обернувшись, я увидела рядом пожилого мужчину с ведром воды. Судя по одежде, это был обычный работник станции. Он проследил за моим взглядом и усмехнулся.

— Что это значит?

Старик явно узнал, кто перед ним стоит. Его взгляд задержался на моем мече, на дорожной ткани плаща, на гербе Вельморов, который я так и не догадалась скрыть. Улыбка старика исчезла, а в глазах мелькнуло что-то похожее на сожаление.

— Ничего, госпожа.

Снова очевиднейшая ложь, причём такая же очевидная, как у моей матери сегодня утром. Я уже хотела снова задать вопрос, но мужчина быстро поклонился и поспешил прочь. В груди поселилось неприятное ощущение. Последние два дня полностью состояли из недосказанностей. Люди смотрели на меня так, словно знали что-то важное, а потом замолкали. И я даже не знала, чего они боялись — или меня, или правды. Но скорее всего и того и другого.

Я поднялась по деревянной лестнице на открытую галерею второго этажа. Старые ступени тихо поскрипывали под ногами. Отсюда двор был виден почти целиком — солдаты Ардейна разводили костры, конюхи торопливо снимали с уставших лошадей сёдла. Я облокотилась на перила и посмотрела на запад, всматриваясь в проплывающие на небе облака. В этот момент во двор зашёл Кассиан, он разговаривал со смотрителем станции, но этот разговор больше походил на допрос. Было видно, как командор задавал короткие вопросы, а мужчина отвечал слишком быстро и нервно. Несколько раз он оборачивался по сторонам, словно

боялся, что их разговор услышит кто-то ещё. С продолжительностью диалога лицо Кассиана мрачнело сильнее. Наконец он что-то сказал и смотритель побледнел. Командор раздражённо провёл рукой по волосам и направился к зданию. У подножия лестницы он поднял голову, встречаясь со мной взглядом и от чего-то мне показалось, что он сейчас развернется и уйдет. Но Кассиан лишь вздохнул и начал подниматься вверх.

— Вы должны отдыхать, леди Вельмор.

— Вы тоже.

— Это часть моей работы.

— А любопытство — часть моей.

Кажется, он хотел закатить глаза, но вовремя понял, с кем разговаривает. Или, наоборот, забыл, я ещё не решила.

— Что рассказал смотритель?

Кассиан подошёл к перилам и посмотрел во двор — внизу трещали дрова в кострах, кто-то из солдат смеялся над чужой шуткой, а из конюшни доносилось фырканье уже рассёдланных лошадей.

— За последние две недели возле дороги пропали три человека.

Я развернулась к нему всем телом.

— Туман?

Он пожал плечами.

— Возможно.

Этот ответ до раздражения напоминал ответы моего отца, оттого он мне сильно не понравился.

— А другие версии есть?

На этот раз Кассиан усмехнулся.

— Другие версии есть всегда.

Я снова посмотрела на двор, на людей, на постепенно сгущающиеся сумерки. Тусклый свет люмен-кристалла над воротами станции казался слишком слабым для такого большого количества темноты вокруг.

— И что говорят люди?

Командор долго не отвечал. Настолько долго, что я решила, будто он проигнорирует мой вопрос.

— Кто-то считает, что туман становится сильнее. Кто-то обвиняет северян. Некоторые уверены, что это обычные разбойники.

— А вы?

Кассиан посмотрел куда-то поверх крыш. Туда, где заканчивался свет и начинались вечерние тени. Когда он заговорил снова, голос прозвучал неожиданно тихо.

— Я думаю, что люди начинают исчезать слишком далеко от севера.

Тут мне стало дурно. Если Кассиан начинал о чем-то беспокоиться, значит для этого существовала причина. И почему то мне казалось, что эта причина нравится мне еще меньше, чем туман за воротами Люцериса.

Некоторое время мы молчали. Во дворе становилось темнее, один за другим загорались фонари, наполняя станции мягким золотистым светом. Из окон главного здания уже лился тёплый свет, а вместе с ним доносился запах жареного мяса, свежего хлеба и чего-то пряного. Только сейчас я поняла, насколько устала.

Последние сутки превратились в бесконечную череду тревог, вопросов и недосказанностей. Мне казалось, что прошла неделя с момента бала, хотя на самом деле не минуло и двух дней.

— Когда мы доберемся до Арлласса? — спросила я.

— Через четыре дня, если погода не испортится.

— А если испортится?

Кассиан посмотрел на небо.

— Тогда дольше.

Очередной содержательный разговор. Я тихо фыркнула и отвернулась. И, кажется, Кассиана это развеселило.

— Вы всегда так отвечаете?

— Обычно люди не задают вопросов, на который невозможно дать точный ответ.

— Просто у вас талант говорить много и не говорить ничего одновременно.

— Это заразно.

Я недоверчиво посмотрела на него.

— Что именно?

— Жизнь рядом с Вельморами.

Прежде чем я успела придумать достойный ответ, снизу раздался смех. Громкий и искренний, совсем неуместный в такой день. Мы одновременно посмотрели вниз — несколько молодых солдат сидели возле костра. Один из них что-то рассказывал остальным, активно размахивая руками. Судя по лицам окружающих, история была либо очень смешной, либо очень глупой. Скорее даже второе.

— Они не выглядят напуганными, — заметила я.

— Вы ошибаетесь.

— Тогда почему смеются?

Он задумался.

— Потому что людям нужно что-то делать со страхом.

Ответ оказался неожиданно серьёзным и теперь я посмотрела на солдат иначе. Их смех теперь звучал в ушах как попытка прогнать страх и убедить самих себя, что всё нормально. Теперь я заметила, как сильно они жмутся к свету костра, словно не хотели, что бы тени касались их спины.

— Вы ведь были на севере?

Кассиан кивнул.

— Много раз.

— И что там на самом деле?

Он посмотрел на меня так, будто оценивал, стоит ли мне доверить самый большой секрет в его жизни. Ветер шевельнул его волосы. Где-то снизу хлопнула дверь. Солнце окончательно скрылось за горизонтом.

— Холодно, — только и ответил он.

— Командор.

— Вы спросили, что там на самом деле. Там холодно, очень много снега, очень много ветра и очень мало людей.

— А тёмные?

Я заметила, как напряглись его плечи.

— А что тёмные?

— Вы их видели?

Он пристально смотрел вдаль, будто вспоминал, но я не была уверена, можно ли их вообще когда-то забыть.

— Видел.

Мне захотелось задать ещё десяток вопросов — спросить как они выглядят, правдивы ли истории и действительно ли они убивают людей. Но прежде чем я успела открыть рот, за воротами раздался вой. Протяжный и далёкий, от него волосы мгновенно встали дыбом. Во дворе тут же все умолкли, смех у костра оборвался. Даже ветер перестал трепать мой плащ. Солдаты медленно встали, но не спешили отходить от костра. Один из них положил руку на

рукоять меча. Все их взгляды были устремлены в сторону ворот, никто ничего не говорил, словно каждый знал этот звук. Все, кроме меня.

— Что это было?

Мой голос прозвучал значительно тише, чем хотелось бы. Кассиан не сразу отреагировал, всматриваясь в темноту за стенами станции.

— Это то, из-за чего мы не путешествуем ночью.

После этих слов мне неожиданно резко снова захотелось оказаться обратно в Люцерисе, мне снова хотелось оказаться дома внутри городских стен, где ночь была просто ночью, а не превращалась в нечто, заставляющая вооружённых мужчин сглатывать слюну от страха.

Вой больше не повторился и это делало ситуацию более жуткой — я не могла понять, как далеко от нас находилось существо, издавшее этот звук, мой разум не мог себе объяснить его вой ветром или зверем.

Во дворе постепенно возобновились разговоры, мужчины снова вернулись к костру, лишь несколько из них отошли в конюшню к лошадям. Люди на удивление быстро успокаивались, явно давно привыкнув к подобным вечерам.

— Волк?

Кассиан опирался на перила и всё также внимательно смотрел на дорогу. Он повернул ко мне голову через несколько секунд и его губы тронула мягкая улыбка.

— Вы хотите услышать приятную версию?

— А неприятная существует?

— Всегда.

Я раздражённо выдохнула. Чем больше времени проходило рядом с ним, тем сильнее Кассиан напоминал мне некоторых советников отца. Они умели отвечать так, что бы собеседник остался с тем же количеством вопросов, что и раньше, только в отличии от них он хотя бы понимал, насколько это бесит.

— Тогда расскажите наконец неприятную версию.

Внизу один из солдат подбросил дров в костёр, искры огня поднялись вверх и на несколько мгновений осветили двор ярче любого фонаря, заставляя тени на стенах дрогнуть.

— Люди называют это по-разному, — произнёс он. — Кто-то считает, что это обычные звери. Кто-то говорит, что они выходят из тумана. Кто-то уверен, что вой вообще слышится тем, кто уже видел смерть.

— А вы во что верите?

— Я слышал этот звук слишком много раз, но не видел ни разу кто его издаёт.

— Именно поэтому вы так спешили попасть внутрь до темноты?

— Именно поэтому.

— А если бы мы не успели?

Теперь Кассиан посмотрел на меня так, будто я сказала какую-то глупость.

— Мы бы успели.

— Потому что с нами тридцать шесть солдат Ардейна?

— Потому что я не настолько люблю приключения.

Кажется, впервые за сегодня я увидела, как его лицо расслабилось. Мы ещё немного постояли на галерее, пока холод окончательно не начал пробираться под одежду. К темноте ветер изменился, приходя со стороны полей и принося запах влажной земли и прошлогодней травы. В Люцерисе ветер почти всегда пах водой из каналов, камнем и люмен-кристаллами. Здесь же воздух казался живым.

Внизу один из солдат стал развешивать возле ворот небольшие серебристые пластины. Я заметила их ещё днём среди снаряжения, но только сейчас смогла рассмотреть внимательнее. Тонкий металл был покрыт десятками мелких символов.

— Что это?

Кассиан проследил за моим взглядом.

— Метки света для предупреждения.

— Предупреждения о чём?

— Если рядом появится сильный выброс тёмной энергии, руны начнут гореть.

С каждым часом путешествия мне всё сильнее казалось, что прожила двадцать лет внутри очень красивой книги, в которой вырвали половину страниц. Я знала названия вещей, но почти ничего не знала о них самих. Я слышала о севере, но никогда не была там. Я слышала о тумане, но видела его только из дворцовых окон.

Молодой солдат нёс сразу три ведра воды и умудрился споткнуться о собственные ноги. Одно ведро перевернулось, окатив его с головы до сапог. Несколько человек рядом рассмеялись настоящим смехом без натянутости и страха. Парень сначала покраснел, а потом начал ругаться ещё громче, вызвав новую волну хохота. За последние два дня я впервые поймала себя на мысли, что улыбаюсь.

Я всё ещё смотрела вниз, когда ворота станции снова открылись. Во двор въехала небольшая телега, запряжённая худой серой лошастью. Колёса жалобно скрипнули на повороте, а сидевший на козлах мужчина тут же начал озираться по сторонам, словно опасался, что его развернут обратно. Следом вошла женщина.

Ребёнок на её руках не спал. Мальчик лет пяти крепко вцепился в ворот её плаща и настороженно смотрел по сторонам большими тёмными глазами. Его лицо показалось мне слишком серьёзным для такого возраста. Я проводила женщину взглядом, пока она не скрылась внутри здания. Смотритель вошёл следом, но дверь закрылась не сразу. На несколько секунд между створкой и косяком осталась узкая щель, через которую до меня долетел обрывок разговора, но слишком тихий, чтоб я могла разобрать слова, но этого было достаточно, чтоб разобрать дрожь в её голосе.

Один из солдат прошёл вдоль стены с зажжённым фонарём, внимательно проверяя каждую метку света. Руны на металлических пластинах едва заметно поблёскивали, отражая пламя.

Я уже собиралась спуститься вниз, когда дверь главного здания снова открылась. Женщина вышла первой. Ребёнок по-прежнему сидел на её руках, а его ручки дрожали. Женщина что-то тихо сказала ему, пытаясь успокоить, но мальчик даже не посмотрел на неё. Его взгляд был направлен в сторону ворот, словно он ждал там кого-то увидеть. Женщина заметила это и осторожно повернула его голову к себе и только тогда ребёнок отвёл взгляд. Она подняла глаза и неожиданно встретилась со мной взглядом. Я привыкла видеть страх, но во дворце его прятали за улыбками, поклонами и правильными словами. У этой женщины не осталось сил его скрывать, она выглядела так, будто не спала несколько суток — под глазами залегли тёмные круги, а губы потрескались от ветра и холода. На плаще виднелись пятна засохшей грязи, в одном месте ткань была разорвана. И это была не старая прореха, а свежая, будто совсем недавно кто-то зацепился за неё. Женщина быстро отвела взгляд и направилась к дальнему крылу станции, а я смотрела ей вслед до тех пор, пока она не исчезла за дверью.

— Вам тоже кажется это странным?

Голос Кассиана прозвучал слишком близко и я невольно отшатнулась.

— Кто она?

— Не знаю.

— А ребёнок?

— Тоже.

Я закатила глаза.

— Вы удивительно бесполезны для человека, который всё знает.

— Я никогда не говорил, что всё знаю. Смотритель рассказал мне, что они ехали из небольшой деревни к югу отсюда и их было пятеро. Приехало двое.

Кассиан ещё какое-то время стоял рядом, а потом молча спустился вниз, оставляя меня на галерее одну. Кажется, он решил, что на сегодня вопросов достаточно. Или просто устал отвечать на них.

Я не стала его останавливать.

Во дворе постепенно затихали разговоры. Кто-то уже расходился по комнатам, кто-то оставался возле костров, вытягивая руки к огню. Смотритель станции лично проверял замки на воротах, дёргая засовы с таким усердием, будто от них зависела его жизнь. Скорее всего, так и было.

Ветер снова усилился, тени на земле качнулись вместе с пламенем, поползли по стенам и тут же вернулись на прежние места. Я уже собиралась уйти внутрь, когда заметила движение возле стены. Сначала мне показалось, что это был один из солдат, потом поняла, что ошиблась. За частоколом кто-то стоял, но далеко, настолько далеко, что я видела только силуэт. Высокий и неподвижный, он находился за пределами света фонарей, там, где начинались поля и темнота окончательно поглощала дорогу. Сердце неприятно сжалось. Я моргнула, но фигура никуда не исчезла. Несколько секунд мы смотрели друг на друга через весь двор, по крайней мере мне казалось, что смотрели. Потом ветер поднял сухую траву и на мгновение заслонил обзор, а когда я снова подняла глаза, пламя фонаря вспыхнуло сильнее, словно специально позволяя мне рассмотреть, кто находился за стеной. Это оказался лишь клочок тумана, который неподвижно стоял на месте, вытянувшись в продолговатую фигуру, которую в темноте можно легко спутать с человеком. Но этот туман, как и туман в замке сегодня утром, не поддавался ветру.

Решив ещё больше не дразнить свою фантазию, я оттолкнулась от перил и ушла внутрь здания.

Глава 5

Ужин проходил в общем зале станции. Когда я спустилась вниз, большая часть столов уже была занята. Возле камина расположились купцы со своими охранниками, за дальним столом негромко разговаривали двое путников, а почти весь центр зала принадлежал Ардейнам. Солдаты даже когда сидели спокойно, всё равно занимали слишком много места, но тут каждый был занят делом — кто-то чистил оружие, кто-то играл в карты, кто-то громко спорил и ставил ставки. Над длинным деревянным столом стоял запах жареного мяса, дыма и мокрой шерсти. И впервые за долгое время шум не раздражал меня, он отличался от тех, к которым я привыкла во дворце во время приёмов и балов. Там люди говорили правильные вещи, тщательно взвешивая и подбирая каждое слово, здесь же один из солдат смеялся так громко, что едва не подавился элем, а его товарищи тут же начали сетовать, каким именно лучше способом умереть.

— Желательно молча, — заявил один из них. — Я устал слушать твой голос.

— Тогда тебе придётся сначала оглохнуть.

За столом вновь раздался дружный смех. Я остановилась у входа, наблюдая за происходящим. Несколько человек заметили меня сразу и разговоры немного стихли. Солдаты начали подниматься.

— Сидеть, — раздался голос Кассиана раньше, чем кто-либо успел вскочить.

Командор сидел в дальнем конце стола, опираясь локтем на деревянную спинку скамьи.

— Она не император.

— Пока что, — заметил кто-то.

В следующую секунду в него прилетела хлебная корка, виновника я определить не успела. Слишком много людей одновременно сделали вид, что ничего не произошло, а я неожиданно поймала себя на том, что улыбаюсь.

— Госпожа, — один из солдат поднялся со своего места. — Здесь свободно.

Я посмотрела на длинный стол и десятки любопытных глаз, но неожиданно для себя подошла ближе к дымящемуся ужину. Обычно во дворце я ела отдельно, даже во время праздников и приемов — наследники не сидят рядом с солдатами, не едят из одной посуды и не подслушивают чужие истории. Когда я села на свободное место, напротив Кассиана, за столом воцарилась неловкая тишина, будто никто не понимал, как теперь себя вести. К счастью, это длилось недолго.

— Госпожа, — серьезно произнес молодой ардеинец, сидевший через два места от меня. — У меня очень важный вопрос.

Кассиан устало прикрыл глаза, судя по всему, ничего хорошего он не ожидал.

— Спрашивай.

— Это правда, что вы однажды выбили зуб инструктору Ардейна?

Тишина вернулась мгновенно, но не напряженная, все с любопытством ждали моего ответа. Я медленно перевела взгляд на Кассиана. Командор смотрел куда-то в стену, с таким видом, будто не имеет отношения к происходящему. Предатель.

— Один зуб? — уточнила я.

Несколько человек одновременно подавились.

— Значит, правда! — восторженно выдохнул солдат.

— Было три.

Теперь подавились почти все, даже Кассиан закашлялся. Я спокойно взяла кружку с горячим чаем.

— Но справедливости ради, первым начал он.

И тут зал взорвался смехом, таким искренним, что мне показалось, будто я нахожусь на своём месте.

Через некоторое время шум постепенно стих — кто-то уже ушел спать, кто-то продолжил спорить над картами, а кто-то тихо перешёптывался между собой. За окнами стояла темнота. Чёрные стёкла отражали тёплый свет зала и казались скорее зеркальными, чем окнами.

Я сидела с кружку в руках и впервые за долгое время никуда не спешила. От меня никто не требовал идеальной осанки, никто не следил за каждым моим словом. Самый обычный вечер.

— Госпожа, а это правда, что у Вельморов отдельная библиотека только для запрещённых книг?

Я перевела взгляд на молодого солдата, сидящего напротив. Кажется, его звали Марек или Морин, я пока не запомнила.

— Смотря, что считать запрещенным.

— Всё интересное.

За столом раздался смех.

— Тогда да.

— Светлые боги... — выдохнул парень, словно я призналась в существовании драконов.

— Ты бы всё равно не смог прочитать ни одной из них, — заметил сидевший рядом ардейнец.

— Почему?

— Потому что ты читать не умеешь.

На этот раз смеялись уже все, а парень показал товарищу средний палец. Кассиан в это время даже не поднял головы от своей тарелки. Судя по всему, подобные разговоры он слышал чаще, чем жрецы читали молитвы. Я поймала себя на том, что наблюдаю за ним уже несколько минут. Во дворце командор всегда выглядел иначе: строгий, собранный и серьёзный. Сейчас же среди своих людей он казался не командиром, а скорее старшим братом большой и шумной семьи. И ему доверяли. Я заметила, как перед тем, чтоб покинуть стол, солдаты подходили к Кассиану и что-то тихо спрашивали. Кассиан каждого слушал внимательно и коротко отвечал. Каждый получил ответ на свои без раздражения и высокомерия.

Кассиан неожиданно поднял взгляд и наши глаза встретились, кажется он заметил, что я наблюдаю.

— Что?

— Ничего.

— Не ври.

— Вы слишком много думаете о себе, командор.

— Мне по должности положено.

Я тихо фыркнула, но он всё равно услышал и улыбнулся.

Совсем скоро зал совсем опустел: купцы разошлись по комнатам, последние разговоры постепенно стихли. За окнами усилился ветер, он гулял между зданиями станции и время от времени бросал в стёкла пригоршни мелкого дождя. Кассиан поднялся первым.

— Завтра выезжаем на рассвете.

По залу прокатился дружный стон и оставшиеся солдаты начали подниматься со своих мест. Кто-то собирал кружки, кто-то тушил лампы, кто-то уже откровенно зевал. Я тоже встала, осознавая, что впервые за два дня не думала о Сердце Ночи, о нападении и о дороге на север. Лишь на какие-то несколько часов я забыла обо всём, но этого оказалось достаточно. Негромко пожелав солдатам добрых снов я направилась к своей комнате, которую за пару минут до ужина мне показал смотритель станции.

Сон не хотел приходить. Я лежала на узкой кровати уже несколько часов, наблюдая, как по потолку медленно ползут тени от фонаря за окном. Комната оказалось неожиданно чистой

для дорожной станции: деревянные стены без трещин, тяжёлые шерстяные занавески и небольшой камин, в котором догорали последние угли. Только это совершенно не помогало уснуть. За последние два года я привыкла к бессоннице. После смерти Аэриса ночи редко проходили спокойно — иногда меня будили воспоминания, иногда я просто лежала до рассвета, разглядывая потолок и считая удары дворцовых часов. Сегодня причина была в другом. Я то и дело пыталась ответить на вопросы, с которыми мне не помогли ни мать, ни отец, ни Кассиан. Мысли кружили в голове подобно стае ворон, не позволяя сосредоточиться ни на одной из них. Я раздражённо перевернулась на другой бок. За тонкой стеной кто-то кашлянул, где-то внизу скрипнула дверь, старая станция жила собственной жизнью даже глубокой ночью. В конце концов я сдалась, отбросила одеяло и села на кровати. В комнате было прохладно. На соседнем стуле лежал мой дорожный плащ, а рядом — пояс с кинжалом. Меч я поставила возле стены ещё вечером, хотя привычка держать оружие рядом у меня появилась раньше, чем большинство девочек моего возраста научились вышивать. Отец это называл предусмотрительностью.

Я поднялась и подошла к окну — за стеклом стояла настоящая ночь без фонарей Люцериса, без бесконечного серебристого света люмен-кристаллов, только несколько костров во дворе и редкие огни над воротами станции, всё остальное поглотила темнота. Я долго смотрела наружу, пока взгляд не зацепился за движение возле одного из костров — Кассиан. Он сидел на перевёрнутом ящике у самой стены и задумчиво смотрел на пламя, рядом не было ни солдат, ни караульных, только он и огонь. За весь день я ни разу не видела его одного, он то и дело постоянно отдавал приказы, проверял посты, разговаривал с людьми или изучал карты. У меня сложилось впечатление, что он вообще не умеет бездействовать. Сейчас же Кассиан выглядел человеком, который впервые за долгое время позволил себе остановиться. Именно поэтому я продолжила наблюдать. Он достал из внутреннего кармана небольшой тёмный предмет и долго на него смотрел, настолько внимательно, будто перед ним было целое воспоминание, а после быстро спрятал обратно.

Внизу хлопнула дверь и Кассиан мгновенно поднял голову, снова возвращая на лицо своё привычное состояние собранности. Из здания вышел один солдат и что-то сказал командору, тот коротко кивнул и поднялся на ноги. Разговор длился меньше минуты, после чего мужчина вернулся внутрь, а Кассиан неожиданно посмотрел прямо на моё окно. Несколько секунд мы смотрели друг на друга, от чего моё сердце предательски дёрнулось. Потом он едва заметно качнул головой, словно говоря «идите спать». От этой мысли мне почему-то захотелось улыбнуться, но вместо этого я задёрнула занавеску и отошла от окна. Сна всё ещё не было видно ни в одном глазу и в голову пришло другое решение — если я всё равно не могу уснуть, значит можно заняться чем-нибудь другим, более полезным. Например, наконец посмотреть, что именно отец передал мне перед отъездом.

Моя рука сама потянулась к плащу, где лежал старый компас Аэриса. Металл оказался холодным. Несколько секунд я просто держала его в ладони, не решаясь открыть крышку и это было смешно. Я могла без колебаний выйти против вооруженного противника, но до сих пор не научилась спокойно прикасаться к воспоминаниям о брате.

Компас щёлкнул тихо, почти неслышно. Стрелка привычно дёрнулась и остановилась — ничего необычного, простой дорожный компас. Я медленно провела пальцем по потёртой крышке, возле замка виднелась едва заметная царапина. Когда-то Аэрис брал компас с собой на все выезды. Даже на охоту и на военные учения.

— *Если однажды заблудишься, всегда иди на север.*

Пальцы медленно сомкнулись вокруг компаса. Металл постепенно нагревался, сохраняя тепло моих рук даже тогда, когда я убрала его обратно в карман плаща.

Где-то внизу ещё звучали голоса солдат, но даже они постепенно затихали. Станция засыпала. Один за другим гасли фонари во дворе, пока в окне не осталось лишь несколько дрожащих огней возле ворот. Я подошла ближе. Ночь за стеклом казалась спокойной.

Тёмные поля растворялись в сумраке, а редкие деревья покачивались под ветром. Где-то далеко мерцал одинокий огонёк — возможно, фонарь на дороге, а может просто игра света среди тумана. Я задёрнула занавеску и легла поверх одеяла, не снимая дорожную одежду и наконец сон быстро меня настиг.

В ту ночь мне снова снился брат, но не день его смерти, не кровь и не похороны. Мне снился обычный солнечный день, мы сидели на крыше дворца и смотрели на Люцерис. Аэрис что-то рассказывал, размахивал руками, как всегда делал, когда увлекался очередной идеей. Я не слышала слов, но только видела его улыбку. А потом он вдруг замолчал — я поняла это по тому, как резко закрылся его рот — и посмотрел мне за спину. Его лицо стало серьёзным, настолько серьёзным, что сердце неприятно сжалось даже во сне. Я обернулась, но увидела только туман. Густой, серый, бесконечный, он поднимался всё выше, медленно закрывая город, башни, мосты и самого Аэриса. А потом я проснулась. Снаружи только начинал сереть рассвет.

Некоторое время я лежала неподвижно, прислушиваясь к собственному дыханию и пытаясь избавиться от странного ощущения, которое всегда оставалось после подобных снов. Лицо Аэриса постепенно растворялось в памяти, становясь всё менее чётким, но тяжесть в груди никуда не исчезала.

За окном медленно наступало утро.

Станция ещё не проснулась окончательно, однако тишина уже начала уступать место привычным звукам нового дня. Где-то во дворе заржала лошадь, хлопнула дверь, послышались чьи-то приглушённые голоса. Мир продолжал двигаться вперёд, независимо от того, была я к этому готова или нет.

Я повернула голову к окну, за которым между серыми облаками постепенно разливался холодный утренний свет.

Ночью прошел дождь, земля потемнела, а крыши построек блестели от влаги в первых лучах солнца, которое всё ещё пряталось за плотными облаками. Во дворе несколько Ардейнов собирали вещи, кто-то затягивал ремни на седле, а кто-то наспех завтракал стоя и спорил с товарищем. Когда я спустилась вниз, общий зал оказался таким же шумным, как вчера вечером, только теперь вместо кружек с элем на столах стояли миски с кашей и чайники с горячим отваром.

— Доброе утро, госпожа, — поприветствовал меня Марек с таким видом, будто не спал всю ночь.

Я посмотрела на его растрёпанные волосы.

— Ты выглядишь ужасно.

— Спасибо.

— Это не был комплимент.

— Тогда всё ещё спасибо.

Сидевшие рядом солдаты дружно расхохотались.

Я покачала головой и заняла свободное место за столом. Кассиан уже был здесь, перед ним лежала развёрнутая карта, которую он изучал с таким вниманием, будто собирался лично переставить на ней несколько гор и рек.

— Ты вообще спишь? — спросила я.

Командор поднял взгляд, обратив внимание, что я села напротив.

— Иногда.

— И часто это происходит добровольно?

— Всё реже.

Я невольно усмехнулась и потянулась за чашкой с горячим чаем. Некоторое время мы завтракали молча. За окном окончательно рассвело, а зал постепенно пустел — солдаты один за другим уходили во двор заканчивать сборы.

Мой взгляд остановился на карте.

— Что? — спросил Кассиан.

— Я пытаюсь понять, куда именно мы едем.

— На север.

— Спасибо, это я уже слышала.

— И не один раз.

— Именно поэтому я надеялась услышать что-нибудь более полезное.

Кажется, он старался скрыть улыбку, но всё же развернул карту чуть ближе ко мне.

Бумага заметно потёрлась на сгибах. Некоторые обозначения были сделаны чернилами поверх старых отметок, а вдоль северных трактов кто-то оставил несколько коротких пометок настолько неразборчивым почерком, что при всём моём желании прочитать его было невозможно.

— Мы сейчас здесь, — Кассиан коснулся пальцем небольшого кружка на тракте. — До Арлласа ещё несколько дней пути.

Я проследила за его рукой.

На карте расстояние казалось совсем небольшим. Несколько дюймов бумаги, не больше. Странно было думать, что на деле между нами и городом лежали сотни миль дороги, ночёвки на станциях и бесконечные часы в седле.

— А после Арлласа?

Палец Кассиана скользнул дальше на север.

— После Арлласа мы встретимся с наместником, заберём отчёты и всё, что удалось собрать после исчезновения каравана.

— А потом отправимся в шахты.

Это был не вопрос, Кассиан это понял и кивнул.

На бумаге всё выглядело удивительно просто. Несколько дорог, несколько названий и тонкие линии границ, отделяющих одно государство от другого. Люцерис находился далеко на юге, Арллас — почти в самом центре Лиомара, а ещё выше начинались земли, которые большую часть моей жизни существовали лишь в рассказах учителей и старых хрониках.

Странно было осознавать, что теперь я сама нахожусь на этой карте.

Не в дворцовой библиотеке, рассматривая её на стене между уроками, а где-то среди бесконечных дорог, рек и холмов, обозначенных несколькими штрихами чернил.

Я снова посмотрела на маленький значок шахты.

В детстве подобные места представлялись мне совершенно иначе. Огромные подземные города, затерянные в горах, бесконечные туннели, уходящие к самому центру земли, сокровища, древние артефакты и чудовища из старых сказок. Со временем фантазии уступили место здравому смыслу, но сейчас я неожиданно поймала себя на мысли, что всё ещё испытываю странное любопытство.

— И что там сейчас?

— Развалины, — пожал плечами Кассиан. — Несколько старых тоннелей, заброшенные постройки и слишком много людей, которые хотели бы найти там что-то ценное.

— Очень вдохновляющее описание.

— Я старался.

Я усмехнулась и наконец отодвинула карту.

За окнами окончательно рассвело. Серое небо всё ещё висело над станцией тяжёлым полотном, но дождь, к счастью, закончился ещё ночью. Сквозь мутные стёкла было видно, как во дворе снуют люди, готовя лошадей к дороге. Время от времени доносилось негромкое ржание, скрип кожи и короткие команды, которыми солдаты перебрасывались между собой.

В зале постепенно становилось пусто.

Ардейны один за другим поднимались из-за столов, забирали вещи и выходили наружу. Утренний шум отличался от вечернего. В нём было меньше смеха и разговоров, зато больше привычной сосредоточенности людей, которым предстоит провести весь день в седле.

Я невольно проводила взглядом одного из солдат, который на ходу застёгивал ремни плаща и одновременно пытался допить остывший чай.

— Кажется, никто из них не рад ранним подъёмам.

— Они радуются им ровно настолько же, насколько и все остальные люди, — ответил Кассиан, сворачивая карту.

— То есть совсем не радуются.

— Именно.

Я поймала себя на мысли, что начала привыкать к присутствию Кассиана. Когда мы только выехали из Люцериса, он казался мне исключительно человеком отца — командором Ардейнов, которому поручили доставить меня на север. Теперь же он всё чаще воспринимался просто как Кассиан.

Странное открытие, особенно учитывая, что большую часть времени он оставался таким же раздражающе спокойным.

— Нам пора, госпожа.

Я кивнула и поднялась из-за стола. Впереди снова ждал тракт, серые холмы и ещё несколько дней пути до Арлласа. И хотя путешествие только начиналось, мне всё чаще казалось, что с каждой милей я отдаляюсь не столько от Люцериса, сколько от той жизни, которую знала раньше.

Глава 6

Следующие дни дороги начали сливаться друг с другом. Не настолько, чтоб я перестала замечать происходящее вокруг, но достаточно для того, чтоб время потеряло привычные очертания. Рассветы сменялись вечерами, дорожные станции — небольшими деревнями, а тракт неизменно тянулся вперёд. Чем дальше мы продвигались на север, тем чаще менялся пейзаж за пределами дороги: холмы становились выше, лесов попадалось больше. Реки, которые раньше можно было пересечь по небольшому мосту, теперь разливались широкими серебрястыми лентами между берегами. Несколько раз нам приходилось делать остановки, ожидая, пока через переправу пройдут обозы и стада овец, которых местные жители перегоняли ближе к зимним пастбищам. Людей на тракте тоже становилось больше: торговцы, паломники, наёмники. Однажды нам встретилась целая группа музыкантов, путешествовавших между городами. Один из них нёс за спиной огромную лютню, размеры которой вызывали больше вопросов, чем уважения. Марек потом ещё пол дня уверял всех, что в случае нападения этим инструментом можно убить человека быстрее, чем мечом. Судя по тому, как над ним смеялись все остальные, подобные мысли посещали только его.

К полудню четвёртого дня после станции небо окончательно затянули облака. Солнце исчезло где-то за серой пеленой ещё утром, а ветер, гулявший между холмами, стал заметно холоднее. Он то и дело забирался под плащ, заставляя сильнее натягивать перчатки и поднимать воротник. Я как раз собиралась в очередной раз пожаловаться на погоду, когда один из солдат впереди неожиданно поднялся на стременах.

— Вижу стены!

Несколько человек сразу повернули головы, по колонне словно пробежала волна. Даже лошади почувствовали оживление. Я невольно поднялась в седле и сначала ничего не увидела — лишь серые холмы, уходящие к горизонту. Потом среди них появилась тонкая тёмная линия, настолько далёкая, что её легко можно было принять за очередную гряду скал. Но с каждым шагом лошади линия становилась всё отчётливее: стена, высокая и массивная.

— Арллас? — спросила я.

Кассиан, ехавший рядом, проследил за моим взглядом и кивнул.

— Арллас.

Чем ближе мы подъезжали к городу, тем отчётливее становились детали — издали Арллас казался сплошной каменной стеной, выросшей посреди холмов, теперь же я могла различить башни, узкие бойницы и многочисленные флаги, развевавшиеся над укреплениями. Город не пытался выглядеть красивым, его строили люди, которых гораздо больше интересовала надёжность, чем впечатление приезжих. Дорога постепенно оживлялась. Впереди показался торговый обоз из тяжёлых телег, гружённых бочками и мешком с зерном. Навстречу проехали двое всадников в тёмных дорожных плащах, а чуть дальше обочины расположилась семья путешественников, устроившая короткий привал прямо у тракта. Чем ближе становились стены, тем больше людей появлялось вокруг. Арллас жил. И это ощущалось задолго до того, как мы добрались до ворот.

— Наместник знает о нашем приезде? — спросила я.

— Ещё бы не знал, — хмыкнул Кассиан. — После письма вашего отца он прислал мне три сообщения.

Только что Кассиан, сам того не заметив, доказал мне, что отец спланировал моё отбытие уже давно. Но на моё удивление, это подтверждение не вызвало ничего, кроме равнодушия. Я продолжила смотреть вперёд.

— И что в них было?

— Если кратко — просьба приехать быстрее.

— А если не кратко?

— То же самое, но гораздо более вежливыми словами.

Я невольно улыбнулась.

Впереди уже выстроилась небольшая очередь из повозок и всадников, ожидающих проверки у ворот. Несмотря на размеры города, стражники работали быстро. Людей пропускали без лишней суеты, но внимательно.

Когда наша колонна приблизилась, несколько караульных заметно напряглись, а один из них сразу направился к Кассиану. Они обменялись парой фраз, после чего мужчина в форме посмотрел в мою сторону и коротко поклонился. Я ответила лишь сдержанным кивком, но грудь в этот момент что-то сжало, будто служанка затягивала корсет на моём платье перед очередным приёмом.

Ворота оказались ещё выше, чем выглядели издалека. Под сводами пахло сыростью, мокрым камнем и дымом от десятков печей, работавших где-то внутри. Звук копыт многократно отражался от стен, смешиваясь с голосами людей и скрипом тележных колёс.

А затем мы въехали в Арллас.

Первое, что бросилось мне в глаза, — люмегн-кристаллы. Они были повсюду, но не совсем такими, как в Люцерисе. В столице кристаллы давно превратились не только в защиту, но и в символ богатства. Их встраивали в фонари, украшали ими площади, дворцы и мосты. Иногда казалось, что город светится даже глубокой ночью. В Арллase всё выглядело иначе. Здесь кристаллы использовали только там, где они действительно были нужны. Невысокие серебристые столбы стояли возле ворот, ещё несколько я заметила на перекрёстках и рядом со зданиями стражи. Их свет был тусклее, чем в Люцерисе, а сами конструкции выглядели настолько простыми, будто местные жители заботились лишь о том, что бы защита работала. Я проводила взглядом очередной кристалл.

Я подняла голову. Над городом висело тяжелое серое небо. Ветер гулял между каменными улицами, принося запах дождя, дыма и чего-то ещё, едва уловимого. Тумана. Его здесь не было. По крайней мере, сейчас, но я всё равно чувствовала его присутствие. Может, потому что каждый кристалл и каждая защитная колонна в городе напоминали о том, зачем они существуют. Арллас не жил внутри света, как Люцерис. Арллас готовился к темноте.

Мой взгляд невольно задержался на пожилом мужчине, который проходил мимо одной из защитных колонн. Он привычным движением коснулся пальцами руны света на её основании, словно проверяя, на месте ли она. Наверное, он делал это каждый день.

— Их здесь гораздо больше, чем я ожидала, — заметила я.

Кассиан проследил за моим взглядом.

— Чем ближе к северу, тем серьезнее относятся к защите.

— Настолько серьезнее?

— Люди быстрее становятся осторожными, когда опасность можно увидеть собственными глазами.

Я ничего не ответила.

Впереди показалась широкая площадь, вымощенная тёмным камнем. Над крышами домов возвышалась башня наместника, а чуть в стороне я заметила высокую арку, сплошь покрытую рунами. Люмен-кристаллы внутри неё светились даже днём, заметно ярче остальных.

— Что это?

— Северная линия предупреждения, — ответил Кассиан. — Если туман подойдёт слишком близко к городу, руны среагируют раньше дозорных.

Я ещё раз посмотрела на арку.

По дороге сюда мне казалось, что рассказы о севере сильно преувеличены. Что люди просто любят страшные истории так же, как любят героев и чудовищ в старых легендах, но

чем дольше я находилась в Арллase, тем отчётливее понимала: здесь никто не воспринимал опасность как легенду.

Мы проехали ещё несколько улиц, прежде чем отряд наконец остановился возле большого каменного здания с тёмной черепичной крышей.

На первый взгляд оно больше напоминало небольшую крепость, чем гостиницу. Узкие окна, массивная дверь, внутренний двор, окружённый высокой стеной.

— Не очень гостеприимно, — заметила я, спешиваясь.

— Зато надёжно, — ответил Кассиан.

Судя по выражению его лица, для него это были почти синонимы.

Несколько солдат сразу занялись лошадьми, остальные начали разгружать вещи. Во дворе стало шумно. Кто-то спорил, кому достанется дежурство, кто-то таскал ящики, а один из Ардейнов безуспешно пытался объяснить молодой лошади, что кусать людей невежливо.

Комнаты оказались гораздо лучше, чем я ожидала.

По дороге сюда я успела представить себе всё что угодно — от скрипучих коек до сырости и мышей в стенах, однако Арллас явно заботился о путешественниках больше, чем большинство дорожных станций. Комната была небольшой, но чистой. В углу потрескивал камин, на столе стоял кувшин с водой, а возле окна уже дожидалась медная ванна, над которой поднимался лёгкий пар. Я замерла на пороге. Пожалуй, впервые за последние дни что-то обрадовало меня настолько искренне.

Оставив плащ на спинке стула, я подошла ближе и коснулась поверхности воды кончиками пальцев. Тёплая. Светлые боги, как же мне этого не хватало.

К тому моменту, когда я наконец погрузилась в воду, успевшую слегка остыть после дороги от кухни до комнаты, мне казалось, что вместе с пылью и усталостью последних дней постепенно исчезает и напряжение, которое сопровождало меня с самого отъезда. Я закрыла глаза и откинула голову на край ванны. Тишина, никаких разговоров, никакого шума дорог. Только потрескивание дров в камине и ветер за окном.

Закончилось всё гораздо быстрее, чем хотелось. Когда я поднялась и подошла к зеркалу возле шкафа, отражение встретило меня усталым взглядом: несколько выбившихся прядей прилипли к влажной коже шеи, длинные русые волосы потемнели от воды и тяжёлой волной спадали почти до талии. Дорога всё-таки оставила свой след — под глазами залегли едва заметные тени, а скулы казались ещё более острыми, чем обычно. Наверное, мать обязательно сказала бы, что мне нужно больше отдыхать.

Эта мысль заставила меня невольно усмехнуться.

Зелёные глаза смотрели из зеркала всё так же упрямо, как и неделю назад, а значит, путешествие пока не сумело изменить самое главное.

Я отвела взгляд первой.

Через полчаса я уже была готова: свежая рубашка, тёмный дорожный костюм и плащ, который за время путешествия успел стать почти такой же привычной частью меня, как меч на поясе.

Волосы после ванны ещё не до конца высохли, поэтому я собрала большую часть в свободную косу, оставив несколько прядей у лица. Этого оказалось достаточно, чтобы выглядеть менее растрёпанной, чем утром.

Некоторое время я честно пыталась сидеть в комнате и отдыхать, но меня хватило минут на десять. Я встала и сделала круг по небольшой комнате, шурша сапогами по мягкому ковру, после чего подошла к окну, посмотрела на улицу, затем на дверь и окончательно признала поражение. Арллас находился прямо за стенами постоянного двора и мысль провести эти несколько часов за стенами казалась почти оскорбительной.

Когда я спустилась во двор, жизнь там уже кипела вовсю.

За время, проведённое в ванной, Ардейны успели окончательно обосноваться на новом месте. Кассиана я заметила сразу.

Он стоял возле открытых ворот и разговаривал с управляющим постоялого двора, внимательно изучая какие-то бумаги. Судя по выражению его лица, ничего интересного в них не было. Я направилась прямо к нему. Командор поднял голову ещё до того, как я успела заговорить и сразу нахмурился.

— Нет.

Я остановилась.

— И вам добрый день.

— Нет.

— Ты даже не знаешь, что я собиралась сказать.

— Знаю.

Он сложил бумаги и наконец посмотрел на меня полностью.

— Вы хотите пойти посмотреть город.

— И откуда такая проницательность?

— За последнюю неделю я успел вас изучить.

— Неужели?

— Когда вы начинаете скучать, у вас появляется совершенно определённое выражение лица.

Мне хотелось возмутиться, но проблема заключалась в том, что он вполне мог оказаться прав. Поэтому вместо ответа я просто скрестила руки на груди.

— Допустим.

— Нет.

— Кассиан.

— Госпожа.

— Я всего лишь хочу посмотреть город.

— Именно это меня и беспокоит.

Я оглянулась по сторонам.

Арллас не выглядел особенно опасным местом. Люди спешили по своим делам, торговцы разгружали товары, где-то неподалёку стучал молот кузнеца. Обычный город.

По крайней мере, настолько обычный, насколько может быть обычным город в нескольких днях пути от земель Тёмных.

— Мне кажется, ты преувеличиваешь.

— Мне кажется, вы недооцениваете собственную способность находить неприятности.

— Это было оскорбление?

— Наблюдение.

Уголок его губ едва заметно дрогнул и именно в этот момент я поняла, что спор почти выигран.

— И именно поэтому вы всё равно пойдёте не одна.

Я тяжело вздохнула.

Победа оказалась не такой полной, как представлялось несколько секунд назад.

— Кассиан, это город, а не территория Тёмных.

— Арллас находится ближе к Тёмным землям, чем хотелось бы большинству его жителей.

— Очень уклончивый ответ.

— Зато честный.

Я уже открыла рот, собираясь продолжить спор, но в этот момент рядом появился Марек. Появился настолько внезапно, что у меня возникло подозрение, будто он всё это время подслушивал где-то поблизости. Впрочем, успев узнать Марека чуть лучше, подозрение было вполне обоснованным.

— Госпожа, если вам нужен сопровождающий, я готов пожертвовать собой ради Империи.

Кассиан даже не посмотрел в его сторону.

— Именно поэтому ты и идёшь.

— Светлые боги, за что? — вздохнула я

— За всё сразу.

Несколько солдат неподалёку рассмеялись, а я посмотрела на них с таким видом, будто они только что предали всю Люцентию.

— Я надеялась хотя бы на вашу поддержку.

— Мы поддерживаем решение командора.

— Вы ужасные люди.

— Нам постоянно об этом говорят.

Через несколько минут мы уже покинули постоялый двор. Улицы Арлласса оказались ещё оживленнее, чем мне показалось поначалу, город словно находился в движении. Люди спешили по своим делам, торговцы зазывали покупателей, кузнецы работали прямо при открытых дверях мастерских, а над всем этим стоял привычный городской шум, состоящий из сотен голосов, шагов и звона металла. Я невольно замедлила шаг. После стольких дней дороги всё это воспринималось почти непривычно, особенно после бесконечных трактов, станций и одинаковых вечеров у костра.

— Не думал, что вам здесь понравится, — заметил Марек.

— Почему?

— Обычно знатные люди любят, когда вокруг меньше грязи.

Я посмотрела на мостовую. После недавнего дождя камни действительно были покрыты тонким слоем грязи, а возле одного из домов несколько куриц с крайне деловым видом что-то искали в луже.

— Ты сейчас очень рискуешь.

— Я стараюсь.

— Это заметно.

Марек усмехнулся и указал куда-то вперёд.

— Тогда вам точно стоит увидеть рынок. Там гораздо интереснее.

Я проследила за его жестом.

Даже отсюда было видно цветные навесы, десятки людей и клубы дыма, поднимавшиеся над торговыми рядами. Кажется, весь Арллас рано или поздно оказывался именно там.

Чем ближе мы подходили к рынку, тем труднее становилось различать отдельные голоса. Они сливались в единый шум, наполненный смехом, спорами, звоном монет и бесконечными попытками торговцев убедить прохожих, что именно их товар способен изменить жизнь к лучшему.

Под высокими навесами теснились десятки лавок. Где-то продавали ткани, где-то оружие, украшения, книги, сушёные травы и всевозможные безделушки, назначение которых оставалось для меня загадкой. В воздухе смешались запахи свежего хлеба, жареного мяса, дыма и каких-то специй, от которых слегка щипало нос.

— Кажется, половина города сейчас находится здесь.

— Только половина? — удивился Марек. — Очень щедрая оценка

Я усмехнулась и остановилась возле одной из лавок. Пожилой мастер выставил на прилавок несколько кинжалов. Работа была грубее, чем у столичных оружейников, но в каждом изделии чувствовалась надёжность. Эти клинки явно создавались для дела, а не для того, чтобы украшать парадный пояс какого-нибудь дворянина.

Пока я рассматривала один из них, рядом прошла группа шахтёров. Именно шахтёров. Даже не зная их ремесла, ошибиться было невозможно: тяжёлые сапоги, широкие плечи, следы

въевшейся в кожу каменной пыли и характерные фонари на поясах. Я проводила их взглядом. Впервые за всё путешествие шахты перестали казаться чем-то далёким и вымышленным, ведь здесь они были частью жизни города.

— Многие работают в старых шахтах? — спросила я.

Марек покачал головой.

— В старых почти никто. Там давно нечего добывать.

— Но люди всё равно туда ходят?

— Люди всегда куда-нибудь ходят, если надеются найти золото

Мы двинулись дальше. На соседней улице располагался ряд лавок с люмен-кристаллами. Необработанные, огранённые, вставленные в фонари или небольшие защитные амулеты — их здесь гораздо больше, чем я ожидала увидеть. Возле одного из прилавков собралась небольшая очередь — торговец демонстрировал работу нового кристалла, заставляя его вспыхивать мягким серебристым светом. Люди наблюдали с таким вниманием, будто перед ними показывали настоящее чудо. Хотя, возможно, для некоторых так оно и было.

Я уже собиралась идти дальше, когда кто-то из прохожих неосторожно задел меня плечом.

Людей вокруг было слишком много. Торговцы перекрикивали друг друга, покупатели толпились возле прилавков, а узкие проходы между рядами едва справлялись с потоком людей. Обычно подобная толчея меня раздражала, но сейчас я настолько увлеклась разглядыванием города, что заметила столкновение лишь в последний момент. Компаса в кармане не оказалось раньше, чем я успела это осознать. Потёртый металлический корпус выскользнул наружу, скользнул по складкам плаща и с глухим звоном ударился о мостовую. Я сразу наклонилась вперёд, но кто-то оказался быстрее.

Когда мои пальцы почти коснулись компаса, чужая рука уже подняла его с земли. На мгновение мне захотелось выхватить находку обратно прежде, чем незнакомец успеет её рассмотреть.

Мужчина остановился возле прилавка с люмен-кристаллами и внимательно посмотрел на потёртую крышку. Серебристый свет от выставленных на продажу камней скользнул по металлу, подчёркивая старые царапины, оставленные временем и слишком частым использованием. Только после этого незнакомец поднял взгляд.

— Полагаю, это принадлежит вам.

Я протянула руку, собираясь сразу забрать компас, однако почему-то задержалась на секунду дольше, чем следовало. Наверное потому, что человек напротив совсем не походил на местного жителя. На первый взгляд в нём не было ничего необычного: тёмный дорожный плащ, кожаные перчатки, запylённые сапоги человека, который много путешествует. Таких людей на рынке хватало. И всё же что-то заставило меня присмотреться внимательнее. Он держался слишком спокойно, не как торговец, не как наёмник и не как человек, впервые оказавшийся в большом городе.

— Спасибо, — произнесла я, наконец забирая компас.

Незнакомец коротко кивнул.

Его взгляд на мгновение задержался на крышке, прежде чем вновь вернуться ко мне.

— Старая вещь.

— Да.

— И, судя по всему, очень дорогая.

Обычно подобные замечания раздражали меня. Слишком многие считали нужным интересоваться тем, что их не касается. Однако сейчас в его голосе не было ни любопытства, ни попытки завести разговор. Он просто констатировал факт, который и без того был очевиден. Я невольно опустила взгляд на компас.

— Некоторые вещи становятся ценными не из-за золота или драгоценных камней.

Что-то промелькнуло в его глазах. Настолько быстро, что я не успела понять, показалось мне это или нет.

— С этим трудно спорить.

По какой-то причине ответ прозвучал слишком серьёзно для обычного разговора двух незнакомцев посреди рынка. Именно это заставило меня посмотреть на него ещё раз. Но в следующую секунду за моей спиной появился Марек.

— Госпожа, если вы продолжите терять важные вещи, командор решит, что я совершенно бесполезен.

Я невольно обернулась. А когда снова посмотрела вперёд, незнакомец уже смешался с толпой, словно его там никогда и не было.

— Вы его знаете? — спросила я, продолжая смотреть туда, где несколько секунд назад исчез незнакомец.

— Кого?

— Мужчину, который только что стоял здесь.

Марек проследил за моим взглядом, затем пожал плечами.

— В Арллase половина мужчин выглядит одинаково. Плащ, сапоги, недовольное лицо и желание поесть. Вам придётся уточнить.

Я невольно усмехнулась.

— Тогда забудь.

— Уже забыл.

Судя по выражению его лица это была неправда, и через несколько минут он обязательно расскажет кому-нибудь, что загадочный незнакомец украл внимание наследницы Вельмор. Поэтому я решила не давать ему лишнего повода для фантазий и двинулась дальше вдоль торговых рядов.

Рынок постепенно переходил в ремесленный квартал. Шум здесь становился другим, вместо криков торговцев слышался стук молотов, скрип пил и звон металла. Воздух был наполнен запахом угля и горячего железа, а над крышами мастерских поднимались тонкие струйки дыма.

Я остановилась возле одной из кузниц. Внутри работали сразу трое подмастерьев. Один вращал точильный круг, второй сортировал готовые клинки, а третий внимательно следил за раскалённой заготовкой в горне. Мастер заметил мой интерес и с гордостью показал несколько мечей собственного изготовления.

Оружие оказалось тяжёлым, но хорошо сбалансированным.

— Северная работа, — произнёс кузнец, заметив, как я проверяю клинок. — Красотой не удивит, зато служить будет долго.

— Это вы сейчас про меч или про жителей Арлласа?

Мужчина расхохотался так громко, что на нас обернулись прохожие.

— И про то, и про другое.

Мы разговаривали ещё несколько минут, после чего продолжили путь. Чем больше я видела город, тем сильнее понимала, почему Арллас оказался именно таким — он не пытался впечатлить, не стремился казаться богаче или красивее, чем был на самом деле. Каждый камень здесь словно выполнял свою работу. Возможно, именно поэтому город нравился мне всё больше.

Я как раз собиралась поделиться этой мыслью с Марексом, когда где-то впереди раздался возмущённый крик.

А через секунду над толпой пронёсся чей-то вопль:

— Держи его!

Толпа мгновенно пришла в движение.

Люди начали расступаться с такой скоростью, словно происходящее было для них привычным развлечением. Кто-то поспешно убирал корзины с дороги, кто-то наоборот привставал на носки, стараясь рассмотреть источник шума получше, а несколько торговцев уже громко обсуждали происходящее между собой, не дожидаясь развязки. Через несколько секунд причина переполоха появилась сама. Между рядами лавок стремительно нёсся мальчишка лет тринадцати или четырнадцати, прижимая к груди какой-то свёрток. Он двигался настолько ловко, что несколько раз умудрился проскользнуть там, где взрослый человек обязательно врезался бы в прохожих или опрокинул прилавок.

Позади него бежал мужчина в дорогом плаще, успевший покраснеть от злости и явно начинавший сожалеть о том, что вообще решил устроить погоню самостоятельно.

— Стой! — задыхаясь, кричал он. — Вор!

Мальчишка ловко проскочил между двумя телегами и едва не сбил с ног пожилую женщину.

Та разразилась такой бранью, что даже Марек уважительно присвистнул.

— Вот это словарный запас.

Я не ответила. В следующую секунду воришка свернул прямо в нашу сторону. Наверное, разумнее всего было просто отойти. В конце концов, это не имело ко мне никакого отношения, но что-то внутри уже приняло решение прежде, чем я успела его обдумать. Когда мальчишка оказался рядом, я незаметно выставила ногу из под длинного плаща, от чего он заметил её слишком поздно. Парень запнулся, отчаянно попытался удержать равновесие и всё же рухнул на мостовую, чудом не впечатавшись лицом в камни. Свёрток вылетел из рук и покатился по земле.

Через мгновение рядом оказался запыхавшийся хозяин пропажи.

— Попался!

Мальчишка выругался сквозь зубы и попытался вскочить, но мужчина уже схватил его за воротник. Вокруг быстро собирались любопытные. Как выяснилось, жители Арлласа любили представления ничуть не меньше жителей Люцериса.

— Нечестно, — пробормотал Марек рядом со мной. — Я только начал болеть за него.

— За вора?

— За молодость.

Я покачала головой.

Мужчина тем временем поднял с земли свёрток и принялся осматривать его с таким выражением лица, словно внутри лежали королевские драгоценности. К счастью для мальчишки, драгоценностей там не оказалось. Всего лишь несколько книг.

Потрёпанных, тяжёлых и явно очень дорогих. Толпа начала постепенно расходиться.

Я уже собиралась продолжить прогулку, когда случайно подняла взгляд на противоположную сторону улицы. И почти сразу узнала знакомую фигуру. Тот самый незнакомец стоял возле лавки картографа, лениво листая какой-то свиток, однако его внимание явно было направлено вовсе не на товар. По какой-то причине мне показалось, что он наблюдал за происходящим с самого начала и не пропустил ни единой детали. Наши взгляды встретились всего на мгновение, достаточно коротко, чтобы это можно было счесть случайностью, и достаточно долго, чтобы я успела заметить едва заметную усмешку, появившуюся в уголке его губ. А затем поток людей вновь прошёл между нами, и когда я посмотрела туда ещё раз, незнакомец снова исчез. Несколько секунд я ещё смотрела на то место, где только что стоял незнакомец, однако поток людей давно закрыл проход между лавками, а сам мужчина будто растворился среди улиц Арлласа.

— Госпожа?

Я перевела взгляд на Марека.

— Что?

— У вас такое лицо, будто вы пытаетесь раскрыть государственный заговор.

— Не преувеличивай.

— Тогда обычный заговор.

— Марек.

— Всё, молчу.

Он действительно замолчал.

Правда, судя по довольному выражению лица, ненадолго.

Мы продолжили идти вдоль улицы, постепенно удаляясь от рынка. Торговый шум остался позади, уступая место более спокойным кварталам. Здесь дома стояли дальше друг от друга, а вместо лавок всё чаще попадались административные здания, склады и небольшие внутренние дворы, скрытые за каменными оградами.

Арллас нравился мне всё больше. В нём не было столичной роскоши, которой так гордились жители Люцериса. Никто не пытался произвести впечатление высокими башнями, дорогами фасадами или бесконечными памятниками давно умершим правителям. Город выглядел честным, каждая улица существовала потому, что была нужна. Даже защитные колонны с люмен-кристаллами не старались привлекать внимание, они просто выполняли свою работу.

Я остановилась возле одной из таких колонн. Серебристый кристалл внутри мерцал ровным мягким светом. Руны, покрывавшие основание, были заметно старше самого камня. Некоторые линии почти стёрлись от времени, однако кто-то регулярно обновлял защитное плетение, не позволяя ему разрушиться окончательно.

— Их обслуживают местные маги? — спросила я.

— Не только местные, — ответил Марек. — Иногда присылают специалистов из Люцен-тии.

— Часто?

— Не настолько часто, как хотелось бы жителям Арлласа.

Я провела пальцами по холодному камню.

Во дворце подобные системы воспринимались как нечто само собой разумеющееся. Здесь же каждая такая колонна выглядела напоминанием о том, что за пределами городских стен существует опасность, с которой невозможно договориться.

Наверное именно поэтому жители северных городов казались мне более собранными.

Они жили ближе к реальности.

— Госпожа.

На этот раз голос Марека прозвучал заметно серьёзнее.

Я обернулась. По улице в нашу сторону двигался один из Ардейнов. Уже по его лицу я поняла, что он пришёл не просто поздороваться.

— Командор вас ищет, — сообщил солдат, остановившись рядом. — Наместник готов принять делегацию.

Похоже, прогулка закончилась гораздо раньше, чем мне хотелось бы.

— Идём.

Марек без лишних слов пристроился рядом, а шум рынка постепенно остался позади.

Глава 7

До резиденции наместника мы шли молча. Марек остался у постоянного двора вместе с остальными Ардейнами, поэтому теперь рядом со мной шагал только Кассиан. Город вокруг продолжал жить своей привычной жизнью: где-то громко торговались, из распахнутых окон пекарен тянуло свежей выпечкой, а возле кузницы по-прежнему звенел молот. Казалось странным, что для жителей Арлласа этот день ничем не отличался от любого другого, тогда как для нас всё только начиналось.

— Вы были здесь раньше? — спросила я, нарушая затянувшееся молчание.

Кассиан кивнул.

— Несколько раз.

— Часто приезжаете?

— Реже, чем хотелось бы.

Он ненадолго замолчал, словно подбирая слова.

— Арллас — последний крупный город перед северными рубежами. Всё, что происходит здесь, рано или поздно становится проблемой Люцентии. Поэтому ваш отец предпочитает узнавать новости раньше, чем они доберутся до столицы.

Именно в этот момент впереди показалась резиденция наместника, она возвышалась над окружающими домами, занимая самую высокую точку города. Толстые каменные стены были сложены из тёмного гранита, а над главными воротами развивался флаг Лиомара. По обе стороны от входа возвышались две защитные колонны, значительно крупнее тех, что я видела на улицах. Внутри каждой из них сиял люмен-кристалл размером с человеческую голову, а руны, высеченные на камне, мягко светились даже под пасмурным небом.

Я невольно остановилась.

— Никогда не видела таких больших кристаллов.

Кассиан тоже поднял взгляд.

— И лучше бы вам никогда не увидеть, как они работают в полную силу.

Я вопросительно посмотрела на него, но командор лишь коротко кивнул в сторону ворот.

— Пойдёмте. Наместник не любит ждать.

Тяжёлые дубовые двери открылись почти бесшумно. Внутри оказалось неожиданно тепло. После сырого воздуха запах горящих поленьев, воска и старых книг ощущался особенно отчётливо. Нас провели через несколько широких коридоров, где стены украшали не портреты правителей, как во дворце Люцериса, а подробные карты северных земель. На некоторых из них цветными чернилами были отмечены дороги, дозорные башни и защитные линии из люмен-кристаллов, протянувшиеся вдоль самых уязвимых участков границы.

Я невольно замедлила шаг. Возле одной из карт были сделаны новые пометки — несколько красных линий пересекали северный тракт, а рядом с ними совсем недавно кто-то оставил короткие записи мелким почерком. Кассиан заметил, что я задержалась.

— Потом, — тихо произнёс он.

Похоже, здесь даже стены могли рассказать больше, чем многие люди.

Нас встретили у дверей кабинета, седовласый секретарь коротко поклонился и, негромко предупредив хозяина о нашем приходе, распахнул дверь.

Кабинет оказался не таким, каким я представляла себе рабочее место наместника. Никакой роскоши — большой письменный стол был почти полностью скрыт под стопками писем, свитков и карт. На подоконнике лежали несколько запечатанных тубусов, в углу стояла высокая стойка с развёрнутыми схемами окрестностей Арлласа, а возле стены горел один-единственный люмен-кристалл, заключенный в простую железную оправу. Света от него хватало ровно настолько, чтоб работать даже в самый пасмурный день.

Сам наместник поднялся нам навстречу прежде, чем мы успели приблизиться. На вид ему было около шестидесяти. Высокий, с прямой осанкой человека, который много лет носил доспехи, он выглядел гораздо крепче большинства мужчин своего возраста. Лишь густая седина в волосах и глубокие морщины выдавали прожитые годы.

— Госпожа Вельмор, — произнёс он, слегка склонив голову. — Командор Ардейн.

— Наместник.

Они с Кассианом без лишних слов обменялись крепким рукопожатием. Так приветствуют друг друга люди, которым уже доводилось работать вместе.

— Благодарю, что прибыли так быстро, — сказал наместник, приглашая нас пройти вглубь кабинета. — Боюсь, времени у нас гораздо меньше, чем хотелось бы.

Я поймала себя на том, что впервые за всё путешествие перестала чувствовать себя дочерью Севериана. Здесь никто не смотрел на меня, как на наследницу, здесь от меня ждали работы.

Наместник дождался, пока двери кабинета закроются, и только после этого жестом пригласил нас к большому столу, занимавшему почти половину комнаты.

Поверхность стола была полностью скрыта под картами. Некоторые из них выглядели настолько старыми, что пожелтели от времени, другие же, наоборот, были совсем новыми — чернила на них ещё не успели окончательно высохнуть. Между свитками лежали деревянные фигурки, небольшие металлические метки и несколько люмен-кристаллов размером с грецкий орех, которые давно перестали излучать мягкий холодный свет и оставались лишь безделушкой.

Я подошла ближе. В центре самой большой карты были обозначены Арллас, северный тракт и старые шахты. Дороги расходились тонкими линиями, соединяя между собой небольшие деревни, заставы и сторожевые башни, однако больше всего моё внимание привлекли красные отметки, которыми кто-то исписал почти весь северный участок.

— Выглядит так, словно война уже началась, — тихо произнесла я.

Наместник поднял на меня взгляд.

— Именно поэтому я и попросил командора приехать как можно скорее.

Он провёл рукой по карте, задержав пальцы возле одной из отметок.

— Здесь исчез караван.

Потом его ладонь сместилась немного севернее.

— Здесь поисковый отряд обнаружил брошенных лошадей.

Ещё одна отметка.

— А здесь нашли груз.

Я нахмурилась.

— Но ведь в письме говорилось о телах.

— Говорилось, — спокойно подтвердил наместник. — Потому что именно так сообщили первые выжившие.

Кассиан, до этого молча стоявший рядом, медленно поднял голову.

— Значит, сведения оказались ложными? — сказал он.

— Не совсем.

Наместник тяжело опёрся ладонями о край стола. Казалось, за последние недели ему уже не раз приходилось объяснять всё это заново, но легче от этого не становилось.

— Когда первые люди добрались до Арлласа, они были уверены, что остальные погибли. Они рассказывали о криках, о тумане, о панике, уверяли, что видели тела своих товарищей. Некоторые были ранены, другие едва держались на ногах, и никто не сомневался, что их рассказ правдив.

Он ненадолго замолчал. В кабинете стало настолько тихо, что я отчётливо слышала, как за окном порыв ветра ударил в стекло.

— Через два дня после того, как выжившие добрались до Арлласа, я отправил к шахтам поисковый отряд, — наконец продолжил наместник. — Они нашли дорогу, по которой двигался караван. Нашли перевёрнутые повозки, рассыпанный груз и следы ожесточённой борьбы. Крови было столько, что никто не сомневался — здесь действительно произошло что-то страшное.

Он провёл пальцами по карте, остановившись возле одной из красных отметок.

— Но ни одного тела они так и не обнаружили.

Я непроизвольно нахмурилась.

— Совсем?

— Ни одного, госпожа.

Ответ прозвучал без малейших колебаний.

Я снова посмотрела на карту, пытаясь понять, чего именно не хватает в этой истории. Если люди погибли, тела должны были остаться. Если их забрали, то зачем? А если караван каким-то образом сумел уйти, то почему выжившие были уверены, что остальные мертвы? Мыслей становилось всё больше, но ни одна из них не складывалась в цельную картину.

— Вы проверили окрестности? — спросила я. — Лес, овраги, старые выработки?

— Проверили.

— И?

Наместник устало опустил в кресло.

— Мы прочесали всё в радиусе нескольких миль. Нашли следы лошадей, остатки груза, сломанное оружие... но ни одного человека. Ни живого, ни мёртвого.

Он на мгновение замолчал, а затем добавил уже гораздо тише:

— Словно земля просто забрала их себе.

Я ещё раз внимательно посмотрела на карту: красные отметки тянулись вдоль дороги, образуя цепочку, которая заканчивалась у старых шахт. Чем дальше я рассматривала их, тем сильнее меня не покидало ощущение, что в этой истории отсутствует какая-то важная деталь.

— Вы сказали, что выжившие были уверены в гибели остальных, — наконец произнесла я. — Они действительно видели, как их убивали?

Наместник медленно покачал головой.

— Нет.

— Тогда почему решили, что никто не спасся?

— Потому что после нападения начался туман.

Я почувствовала, как пальцы сами собой сжались на краю стола.

— Туман?

— Да. По словам выживших, он появился слишком быстро. Видимость сократилась до нескольких шагов, лошади обезумели, люди перестали понимать, где находятся свои. Многие бросились бежать, даже не разбирая дороги.

Я перевела взгляд на Кассиана, он всё это время молчал, внимательно слушая рассказ наместника, но теперь тоже нахмурился.

— Странно, — произнёс он. — По всем расчётам туман не должен был подойти к шахтам ещё как минимум несколько дней.

— Именно поэтому я не поверил первым донесениям, — спокойно ответил наместник. — Сначала я решил, что люди просто потеряли рассудок после нападения.

— А теперь?

Наместник встретился со мной взглядом. На этот раз он не торопился с ответом.

— Теперь я не уверен, что это вообще был тот туман, который мы знаем.

В кабинете вновь воцарилась тишина. Я медленно опустила взгляд на карту. За всю жизнь меня учили одному простому правилу: туман подчиняется своим законам. Он движется медленно, его появление можно предсказать, а защитные линии из люмен-кристаллов заранее пре-

дупреждают города о приближении опасности. Если рассказ наместника был правдив, значит, хотя бы одно из этих правил перестало работать и это пугало куда сильнее, нежели исчезновение каравана.

Чем больше подробностей рассказывал наместник, тем сильнее мне казалось, что мы говорим сразу о двух разных событиях, которые кто-то настойчиво пытался представить одним.

— Вы сказали, что нашли лошадей.

Наместник кивнул.

— Большую часть.

— Они были привязаны?

— Нет. Бродили неподалёку от дороги.

Я перевела взгляд на Кассиана.

— Разве это не странно?

Он понял, о чём я спрашиваю, ещё до того, как я закончила мысль.

— Продолжайте.

— Если туман действительно накрыл караван, лошади должны были обезуметь. Они не остались бы спокойно бродить возле места нападения. Они либо разбежались бы на многие мили, либо...

Я замолчала. Договаривать не пришлось, Кассиан закончил за меня:

— Либо погибли бы вместе с людьми.

Наместник медленно отошёл от стола и остановился у окна. Несколько мгновений он молча смотрел на улицу.

— Именно это и не даёт мне покоя, — наконец произнёс он, не оборачиваясь. — За двадцать лет службы на севере мне довелось увидеть многое. Я видел караваны, погибшие в тумане. Видел деревни, от которых не оставалось ничего, кроме обугленных стен и пустых домов. Видел людей, которым посчастливилось выбраться оттуда живыми. Но из раза в раз всё происходило одинаково, словно по инструкции.

Он повернулся к нам, и в его взгляде читалась тревога.

— То, что обнаружили мои люди возле старых шахт, не было похоже ни на один из известных мне случаев.

Наместник устало провел руками по лицу, громко вздыхая, будто за последние недели слишком часто был вынужден признавать собственное бессилие. Передо мной находился полностью отчаявшийся человек, а я совсем не знала, как ему помочь.

— Тогда что же произошло? — спросила я, нарушив затянувшееся молчание.

— Если бы я мог ответить на него, госпожа, — тихо произнёс он, — мне не пришлось бы просить помощи у Люцении.

С этими словами он подошёл к высокому шкафу у дальней стены и достал из нижнего ящика небольшой свёрток, аккуратно перевязанный старой льняной бечёвкой. Было заметно, что узел уже развязывали не один раз. Он положил свёрток на стол с неожиданной осторожностью, развернул плотную ткань и молча отступил на шаг.

На столе лежал обломок меча, по лезвию которого уже успела потемнеть засохшая кровь. Рядом оказался разорванный дорожный плащ с вышитым гербом торговой гильдии, а чуть в стороне — небольшой люмен-кристалл. Когда-то он наверняка сиял чистым серебристым светом, но теперь почти полностью утратил своё свечение, и лишь где-то в самой его глубине едва заметно теплилась тусклая искра.

— Это всё, что мои люди смогли привезти с места нападения, — негромко сказал наместник. — Всё остальное исчезло так, словно каравана никогда не существовало.

Несколько секунд никто не произносил не слова, рассматривая предметы на столе. Обломок меча почти не привлёк моего внимания — подобное оружие можно было встретить в

любой части Люцентии. Разорванный плащ тоже едва ли мог рассказать что-то новое. Зато люмен-кристалл заставил меня задержаться. Я осторожно взяла его в руки. Камень оказался неожиданно холодным, обычно даже полностью разряженные кристаллы сохраняли внутри едва заметное свечение, словно часть заключённой в них силы продолжала жить ещё очень долго. Этот же выглядел почти мёртвым.

Я медленно повернула его к свету, в самой сердцевине ещё теплилась крошечная серебристая искра, но она казалась настолько слабой, будто кто-то насильно вытянул из кристалла почти всю его силу.

— Его проверяли? — спросила я, не отрывая взгляда от камня.

— Проверяли, — ответил наместник. — Маги Арлласса решили, что кристалл просто исчерпал свой запас энергии.

Я покачала головой.

— Нет.

Кассиан перевёл взгляд с меня на камень.

— Почему вы так решили?

Я провела большим пальцем по гладкой поверхности.

— Потому что истощённые кристаллы тускнеют постепенно. Их свет становится слабее с каждым месяцем, иногда с каждым годом. Этот выглядит так, словно его лишили силы за один раз.

Наместник медленно приблизился ко мне.

— Вы уверены?

— Нет, — честно ответила я. — Но отец однажды показывал мне кристаллы, которые служили дворцу десятилетиями. Даже полностью исчерпав себя, они выглядели иначе.

Я подняла взгляд.

— Этот словно... опустошили.

Кассиан осторожно взял кристалл из моих рук и несколько мгновений молча рассматривал его, после чего перевёл взгляд на наместника.

— Вы говорили, что подобрали его рядом с повозками?

— Да.

— А остальные защитные кристаллы каравана?

Наместник нахмурился.

— Их не нашли.

Я почувствовала, как внутри снова шевельнулось неприятное ощущение. Моя рука сама собой легла на край стола если люди исчезли вместе с защитными кристаллами — это уже переставало быть совпадением. Слишком многое в этой истории выглядело так, словно кто-то тщательно убирал всё, что могло подсказать правду.

— Если ваши предположения верны, — медленно произнёс наместник, — значит, кто-то намеренно забрал остальные кристаллы.

— Или они были нужны не меньше, чем люди, — тихо добавил Кассиан.

Я подняла на него взгляд, эта мысль показалась мне настолько неожиданной, что я не сразу поняла её смысл.

— Зачем кому-то понадобились дорожные люмен-кристаллы?

— Именно это мы и должны выяснить.

Наместник молча подошёл к столу и свернул карту, оставив открытым лишь участок между Арллассом и старыми шахтами.

— Поэтому я не хотел отправлять туда ещё один отряд, — признался он. — За последние недели мы потеряли слишком много людей, не получив взамен ни одного ответа. Я не собирался рисковать снова, пока не понял бы, с чем именно столкнулся.

— Но теперь мы всё равно поедem, — сказала я.

Это прозвучало не как вопрос, из-за чего наместник несколько секунд настороженно смотрел на меня.

— Вы действительно хотите увидеть место, где исчезли пятьдесят человек?

— Если я собираюсь разобраться в случившемся, мне недостаточно чужих рассказов.

Он медленно выдохнул.

— Госпожа, я видел десятки молодых офицеров, которые были уверены, что смогут найти ответы там, где остальные потерпели неудачу. Многие из них так и не вернулись.

Я выдержала его взгляд.

— Значит, мы должны сделать всё, чтобы вернуться.

На губах наместника появилась едва заметная уважительная улыбка. Он перевел взгляд на Кассиана.

— Командор?

Тот ответил не сразу. Я знала этот взгляд — так он смотрел каждый раз, когда мысленно просчитывал все возможные последствия ещё до того, как принимал решение.

— Если мы выдвинемся на рассвете, — наконец произнёс он, — к вечеру второго дня будем у старых шахт.

— Тогда я распоряжусь подготовить всё необходимое.

Наместник уже собирался позвать секретаря, когда я неожиданно вспомнила ещё одну деталь.

— Подождите.

Оба мужчины посмотрели на меня.

— Вы сказали, что первые выжившие добрались до Арлласса.

Наместник кивнул.

— Да.

— Они всё ещё здесь?

На этот раз ответ последовал не сразу.

— Один.

Я почувствовала, как сердце забилось быстрее.

— Остальные?

— Один умер от полученных ран через несколько дней после возвращения. Ещё двое так и не пришли в себя. Они перестали узнавать окружающих, перестали разговаривать... а спустя неделю умерли.

В кабинете снова стало тихо.

— И только один человек до сих пор жив, — негромко сказал наместник. — Но с тех пор он не произнёс ни слова.

Я переглянулась с Кассианом. Если поездка к шахтам ждала до утра, то человек, который видел всё собственными глазами, находился в Арллассе прямо сейчас.

— Где он сейчас?

Он ненадолго замолчал, словно сомневался, стоит ли продолжать.

— Мы разместили его в доме целителей сразу после возвращения. Первые несколько дней лекари надеялись, что он пойдёт на поправку, но время шло, а его состояние почти не менялось. Его тело постепенно восстановилось. Раны затянулись. Лихорадка прошла. Но сам он словно так и не вернулся.

Я уже собиралась спросить, потерял ли он голос, однако наместник будто прочитал мои мысли и медленно покачал головой.

— Дело не в этом. Иногда он открывает глаза. Следит за людьми. Может взять кружку с водой или выполнить самую простую просьбу. Но стоит заговорить с ним о том, что произошло возле старых шахт...

— Что тогда? — негромко спросила я.

Наместник встретился со мной взглядом.

— Тогда он начинает смотреть в пустоту так, словно снова оказывается там.

Глава 8

Путь до дома целителей занял всего несколько минут, однако за это время Арллас словно успел измениться, или изменилось моё восприятие. Ещё час назад этот город казался живым и шумным. Я с интересом рассматривала дома, задерживалась возле ремесленных лавок, наблюдала за торговцами на рынке и впервые за долгое время ловила себя на мысли, что мне действительно хочется узнать это место. Теперь же я видела совсем другое. Защитные колонны с люмен-кристаллами встречались почти на каждой улице. Некоторые были совсем новыми, другие выглядели так, будто простояли здесь не одно десятилетие. Свет внутри них казался слабым под дневным небом, однако теперь я понимала, что жители Арлласа смотрят на эти кристаллы иначе, чем жители Люцериса. Для юга они были частью привычного порядка, для севера — обещанием, что следующую ночь город переживёт.

— О чём задумались?

Голос Кассиана прозвучал совсем рядом.

Я перевела взгляд на командора.

— О том, что раньше никогда не замечала подобных вещей.

Он проследил за направлением моего взгляда и почти сразу понял, о чём я говорю.

— Когда живёшь рядом с опасностью достаточно долго, перестаёшь обращать внимание на всё, что помогает с ней бороться.

— Но продолжаете это защищать.

— Потому что именно в тот день, когда люди перестанут заботиться о защите, она перестанет существовать.

Я ничего не ответила.

Через несколько минут впереди показалось длинное двухэтажное здание, сложенное из светлого камня. Оно ничем не напоминало роскошные лечебницы Люцериса. Здесь не было широких лестниц, мраморных колонн и искусно вырезанных арок. Только высокий каменный забор, тихий внутренний двор и десятки окон, часть из которых была распахнута настежь, впуская в помещения прохладный северный воздух. Возле входа нас уже ждал пожилой мужчина в длинной серой мантии целителя.

Увидев наместника, он коротко поклонился.

— Господин наместник.

— Как он?

Целитель не ответил сразу. Его взгляд на мгновение скользнул по мне, затем по Кассиану, словно он пытался понять, стоит ли говорить при посторонних.

— Сегодня спокойнее, чем вчера, — наконец произнёс он. — Он почти не спал, но приступов больше не было.

— Он по-прежнему молчит?

— Да.

Целитель немного помедлил.

— Хотя сегодня утром произошло кое-что странное.

Я почувствовала, как Кассиан едва заметно напрягся.

— Что именно?

— Один из учеников случайно уронил на пол люмен-кристалл.

Старик говорил спокойно, но что-то в его голосе заставило меня насторожиться.

— От удара кристалл вспыхнул ярче обычного. Всего на несколько секунд.

Он сделал короткую паузу.

— И именно в этот момент ваш выживший впервые за две недели поднялся с кровати.

Целитель распахнул перед нами тяжёлую деревянную дверь и молча пригласил следовать за ним. Внутри оказалось прохладнее, чем снаружи. Воздух был пропитан запахом лекарственных трав, воска и чего-то едва уловимо горького, что неизменно встречалось во всех лечебницах Люцериса. Мы прошли по длинному коридору, где по обе стороны располагались небольшие палаты. За приоткрытыми дверями слышались приглушённые голоса, негромкие разговоры целителей и редкий кашель пациентов. Чем глубже мы заходили, тем тише становилось вокруг, словно в этой части здания люди старались говорить вполголоса.

— Мы перевели его сюда несколько дней назад, — негромко объяснил целитель. — Здесь спокойнее. Остальные больные слишком тяжело переносили его... приступы.

Он ненадолго запнулся, будто не сумел подобрать более подходящего слова.

— Приступы? — переспросила я.

— Иногда ему начинает казаться, что он снова находится там.

Я не стала уточнять, что именно это означает. По выражению лица старика было понятно, что он и сам не до конца понимает происходящее.

Мы остановились перед последней дверью. Целитель несколько секунд неподвижно стоял, прислушиваясь к тишине за ней, а затем медленно нажал на ручку. Палата оказалась совсем небольшой. Узкое окно выходило во внутренний двор, позволяя дневному свету свободно проникать внутрь. Возле стены стояли простой деревянный стол, высокий шкаф с лекарствами и кресло, в котором, судя по лежавшему на подлокотнике пледу, кто-то провёл не одну бессонную ночь.

Мужчина сидел у окна, спина была ссутулена, руки спокойно покоились на коленях, а взгляд был устремлён куда-то за стекло, где ветер медленно раскачивал верхушки молодых деревьев. Если бы встретила его на улице, то никогда не подумала бы, что передо мной человек, переживший нападение.

На вид ему было чуть больше сорока. Худощавое лицо заросло короткой щетиной, волосы успели отрасти и беспорядочно спадали на лоб, а на виске ещё виднелся тонкий, почти заживший шрам. Только глаза всё меняли — в них не было боли, страха или усталости. Они казались совершенно пустыми, словно человек продолжал смотреть вовсе не на двор за окном, а на что-то, что осталось далеко за пределами этой комнаты.

Мы вошли почти бесшумно, он никак не отреагировал, даже не моргнул. Целитель подошёл к нему первым.

— Радан.

Никакого ответа.

— К вам пришли люди, которые хотят разобраться в том, что произошло.

Мужчина медленно перевёл взгляд. Не на целителя, а сразу на меня. Я почувствовала, как внутри всё напряглось. Не потому, что в этом взгляде было что-то угрожающее, наоборот, он смотрел на меня так, будто видел впервые... и одновременно уже очень давно ждал именно моего появления. Впервые с момента приезда в Арллас появилось ощущение, что расследование перестало быть чужой историей. И каким-то образом стало касаться лично меня.

Я сделала несколько шагов вперёд, стараясь не нарушать повисшую в палате тишину. Мужчина продолжал смотреть на меня. Его взгляд не выражал ни удивления, ни страха, ни любопытства. Скорее он пытался вспомнить что-то давно забытое и никак не мог понять, почему именно моё лицо показалось ему знакомым.

— Радан, — мягко произнёс наместник, подходя ближе. — Это госпожа Вельмор. Она приехала из Люцериса, чтобы разобраться в том, что произошло у старых шахт.

Никакой реакции не последовало. Лишь пальцы мужчины едва заметно дрогнули, после чего вновь неподвижно замерли на коленях. Целитель тяжело вздохнул.

— Первые дни мы пытались расспрашивать его постоянно. Потом реже. Меняли людей, меняли вопросы, приглашали магов, жрецов... Даже надеялись, что знакомые лица помогут вернуть память. Но всякий раз происходило одно и то же.

— Что именно? — тихо спросила я.

— Он молчал.

Старик ненадолго замолчал, словно сомневаясь, стоит ли рассказывать дальше.

— Или начинал смотреть куда-то мимо нас так, будто снова видел то место.

Я медленно подошла к окну. Теперь нас разделяло всего несколько шагов.

— Радан.

Мужчина не шелохнулся.

— Меня зовут Элинар.

Тишина.

— Я не стану просить вас вспоминать всё сразу. Мне нужно понять только одно.

Я присела на корточки, чтобы наши глаза оказались почти на одном уровне.

— Что вы увидели первым?

Несколько долгих секунд ничего не происходило.

Мне уже начало казаться, что целитель был прав и мои вопросы ничем не отличаются от десятков предыдущих.

И вдруг взгляд Радана изменился. Его зрачки едва заметно расширились, а дыхание стало чаще, словно перед ним возникло что-то, чего не видел больше никто. Пальцы медленно сжались в кулак, так сильно, что побелели костяшки.

— Радан? — осторожно позвал наместник.

Мужчина будто не слышал его, он продолжал смотреть только на меня. Его губы едва заметно дрогнули и я невольно подалась вперед, стараясь не пропустить ни звука. Казалось, ему приходится бороться с самим собой ради каждого вдоха. Наконец, из его груди вырвался хриплый, почти неразличимый шёпот.

— Он...

Всего одно слово. Я почувствовала, как рядом напрягся Кассиан, даже целитель застыл, не смея пошевелиться.

— Кто? — почти шёпотом спросила я.

Радан смотрел на меня ещё несколько секунд, а потом его лицо исказилось таким ужасом, какого я не видела даже у людей, переживших нападение во дворце. Он резко отшатнулся, будто прямо перед ним вновь возникло то, что он пытался забыть.

И впервые с момента нашего появления в палате закричал.

Крик оказался настолько неожиданным, что я отпрыгнула назад. Он не был похож на крик человека, которого что-то испугало сейчас. Скорее это был звук, вырвавшийся из глубины памяти, где ужас не успел стать воспоминанием и по-прежнему оставался реальностью.

Радан вскочил на ноги так резко, что тяжёлый деревянный стул с грохотом опрокинулся на пол. Он судорожно отступил к стене, продолжая смотреть на меня широко раскрытыми глазами, словно видел вовсе не меня, а кого-то, стоявшего у меня за спиной.

— Радан! — целитель бросился к нему, но мужчина только сильнее вжался в стену.

Его дыхание стало частым и прерывистым, руки дрожали так сильно, что он уже не пытался этого скрыть. Казалось, ещё мгновение — и он снова окажется там, среди тумана, откуда его тело вернулось, а разум так и не смог выбраться.

— Всё хорошо, — спокойно произнёс Кассиан, медленно делая шаг вперёд. — Здесь безопасно.

Он говорил тем самым голосом, которым отдавал приказы солдатам во время учений: ровно, без лишней тревоги, позволяя человеку самому ухватиться за это спокойствие.

Однако Радан будто не слышал его, он продолжал смотреть только на меня. Вдруг его взгляд опустила ниже, на мой плащ, а точнее — на серебряную застёжку с гербом дома Вельмор. Он медленно поднял дрожащую руку, словно хотел указать на меня, но пальцы так и замерли в воздухе.

— Нет... — прохрипел он так тихо, что я едва различила это слово. — Не... её...

Слова давались ему с огромным трудом, каждый звук будто причинял физическую боль.

— Не... ведите...

Он судорожно вдохнул, закашлялся и резко зажмурился.

Целитель уже успел подойти к нему вплотную и осторожно удерживал за плечи, стараясь не позволить ему упасть.

— Хватит, — твёрдо произнёс старик, обернувшись к нам. — Если продолжим, станет только хуже.

Я ещё несколько секунд не могла отвести взгляд от Радана. Он больше не кричал, его дыхание постепенно выравнивалось, но глаза вновь становились пустыми, словно последние секунды никогда не происходили.

Только одна мысль не давала мне покоя — он испугался не моего вопроса, он испугался меня. Я медленно перевела взгляд на Кассиана. Командор тоже это понял. И впервые за всё время нашего знакомства в его лице мелькнуло то, чего я прежде никогда не видела. Растерянность.

Целитель осторожно усадил Радана обратно на кровать и, убедившись, что дрожь постепенно утихает, накрыл его плечи шерстяным пледом. Взгляд мужчины вновь застыл где-то за окном, а дыхание постепенно становилось ровным, словно организм из последних сил пытался вернуть себе утраченное спокойствие.

— Простите, — тихо произнёс целитель, поднимаясь. — На сегодня достаточно.

Я медленно кивнула, хотя вопросов стало только больше. Мы вышли в коридор, и дверь за нашей спиной негромко закрылась.

Несколько мгновений никто не произносил ни слова. Первым тишину нарушил наместник.

— Теперь вы понимаете, почему я не рассчитывал получить от него ответы.

Я остановилась возле узкого окна, выходявшего во внутренний двор.

Несколько учеников-целителей перебирали корзины с травами, кто-то развешивал на верёвках свежевystиранные бинты, а чуть дальше пожилая женщина неторопливо поливала небольшой лекарственный сад. Обычная жизнь продолжалась так спокойно, что казалось почти невозможным поверить: всего в нескольких шагах отсюда человек каждую ночь снова переживает один и тот же кошмар.

— Он узнал меня, — негромко сказала я.

Наместник удивлённо посмотрел в мою сторону.

— Вы так думаете?

— Нет... — я покачала головой. — Я уверена.

Я вновь вспомнила выражение лица Радана в тот момент, когда его взгляд остановился на гербе Вельморов.

Это был не страх перед незнакомкой. Это был страх за неё.

— Он пытался предупредить меня, — продолжила я.

Кассиан всё это время молчал. Я перевела взгляд на него.

— Вы тоже это заметили?

Он ответил не сразу.

— Да.

— Тогда почему?

Командор медленно выдохнул.

— Не знаю.

От его ответа мне стало только тревожнее.

В этот момент за спиной тихо скрипнула дверь. Мы одновременно повернулись к двери. На пороге стоял молодой ученик целителя. Он заметно нервничал, то и дело переводя взгляд с наместника на своего наставника.

— Простите...

Юноша запнулся, пытаясь отдышаться.

— Он... он снова заговорил.

Мы переглянулись.

— И что он сказал? — быстро спросил наместник.

Ученик сглотнул.

— Только два слова.

Он опустил взгляд.

— «Он идёт».

В коридоре повисла такая тишина, что я отчётливо слышала, как где-то за окном каркнула ворона. И почему-то в этот момент мне впервые по-настоящему захотелось обернуться не потому, что за моей спиной кто-то стоял, а потому что появилось странное чувство, будто кто-то ждал моего приезда сюда.

Слова ученика будто повисли в воздухе, не желая превращаться в обычную человеческую речь. Казалось невозможным, что после двух недель молчания Радан сумел произнести всего два слова, и именно они прозвучали так, словно были обращены не к самому себе, а ко всем нам.

— Он сказал что-нибудь ещё? — первым нарушил тишину наместник.

Юноша покачал головой.

— Нет, господин. Только это. Мы решили, что вам следует знать.

Он коротко поклонился и торопливо скрылся за дверью.

— Думаете, он говорил о том, кто напал на караван? — спросила я.

Наместник медленно покачал головой.

— Не знаю.

Он ненадолго замолчал, задумчиво глядя на закрытую дверь палаты.

— За всё это время он не произнёс ни слова. Иногда казалось, что он вот-вот что-то вспомнит, начинал реагировать на голоса, поднимал голову, смотрел на людей так, будто хотел заговорить... но всякий раз всё заканчивалось одинаково. Он снова замыкался в себе, словно между ним и окружающим миром существовала стена, которую никто не мог преодолеть.

Наместник устало провёл ладонью по подбородку.

— Сегодня впервые за две недели эта стена дала трещину. И, признаться, я не знаю, радоваться этому или нет.

Кассиан всё это время молчал. Я перевела взгляд на него.

Командор стоял чуть в стороне, задумчиво рассматривая закрытую дверь палаты. Он выглядел спокойным, как и всегда, но за последние дни я успела достаточно хорошо узнать его, чтобы заметить едва уловимую перемену — он о чём-то очень напряжённо думал.

— Что? — спросила я.

Кассиан словно не сразу понял, что обращаются именно к нему.

— Простите?

— Вы что-то вспомнили?

Он выдержал короткую паузу.

— Нет.

— Тогда уходим.

Мы молча покинули лечебницу. Свежий воздух оказался неожиданно холодным. Небо над Арлласом постепенно затягивали тяжёлые серые облака, а ветер, гулявший между домами, становился всё резче, словно город чувствовал приближение непогоды. За всё время пути никто так и не нарушил молчание. Наместник шёл немного впереди, о чём-то размышляя, Кассиан держался рядом со мной, но, вопреки обыкновению, тоже не пытался начать разговор.

Только когда за нашей спиной закрылись тяжёлые ворота, я наконец остановилась.

— Он смотрел не на меня.

Оба мужчины одновременно обернулись.

— Простите? — не понял наместник.

— Там, в палате. Когда Радан закричал.

Я сама ещё не до конца понимала мысль, которая никак не давала мне покоя, поэтому говорила медленно, словно пыталась собрать её по кусочкам.

— Сначала мне показалось, что он испугался меня. Потом — что герба на моём плаще. Но теперь я думаю, что ошиблась.

Кассиан внимательно слушал, не перебивая.

— Когда человек чего-то боится, он старается отвести взгляд. Радан не мог этого сделать. Он всё время смотрел в одну точку.

Я медленно повернулась назад, пытаюсь мысленно восстановить всё, что произошло в палате.

— Он смотрел немного выше моего плеча.

Наместник нахмурился.

— Вы хотите сказать...

— Что в тот момент он видел вовсе не меня.

Холодный ветер пронёсся по улице, заставив меня плотнее запахнуть плащ.

— Что в тот момент он видел не эту комнату. Он снова оказался возле старых шахт.

Ни наместник, ни Кассиан не перебили меня.

— Иногда человек настолько глубоко погружается в воспоминания, что перестаёт замечать настоящее. Мне кажется, именно это и произошло с Раданом. Он смотрел сквозь меня, но видел совсем другое место.

Я медленно покачала головой.

— Я думаю, он пытался предупредить меня, но боялся он совсем другого.

Командор нахмурился.

— Тогда чего?

— Скорее «кого», только пока не понимаю, кого именно.

Я посмотрела куда-то поверх крыш Арлласа. Ответа у меня не было. Я понимала только, что он увидел что-то настолько страшное, что даже спустя две недели не смог отделить воспоминание от реальности.

Некоторое время мы ещё стояли возле лечебницы, но разговор постепенно сошёл на нет. Наместник распорядился подготовить всё необходимое для экспедиции к старым шахтам, после чего, сославшись на неотложные дела, попрощался с нами и направился обратно к своей резиденции. Мы с Кассианом остались вдвоём.

Солнце медленно клонилось к горизонту, и вместе с его светом исчезала привычная дневная беспечность. Торговцы спешили закрыть лавки, ремесленники убирали товары под навесы, а у защитных колонн один за другим появлялись городские служители. Я замедлила шаг.

Несколько человек в одинаковых тёмно-синих плащах открывали небольшие бронзовые панели у основания колонн и по очереди проверяли люмен-кристаллы. Одни аккуратно очищали их от пыли, другие меняли потускневшие камни на новые, а кто-то внимательно сверял записи в толстых журналах. Работу они выполняли спокойно и настолько привычно, словно занимались самым обыденным делом на свете.

— Они делают это каждый вечер? — спросила я.

Кассиан проследил за моим взглядом.

— Каждый.

— Даже если опасности нет?

Он едва заметно усмехнулся.

— На севере опасность есть всегда. Просто иногда она находится достаточно далеко, чтобы люди могли спокойно лечь спать.

Я ещё некоторое время наблюдала за работой служителей.

Во дворце люмен-кристаллы воспринимались как нечто само собой разумеющееся. Они просто были частью города, такой же привычной, как мостовые или дворцовые стены. Никто не задумывался, кто следит за их состоянием, кто меняет их и сколько труда требуется для того, чтобы каждую ночь столица продолжала сиять. Здесь всё было иначе. Арллас не доверял привычке, он доверял людям, которые каждый вечер заново готовили город к встрече с темнотой.

— Теперь понимаю, почему вы говорили, что север живёт по другим правилам, — тихо произнесла я.

— Это не правила, — спокойно ответил Кассиан. — Это цена, которую приходится платить за жизнь так близко к границе.

Где-то неподалёку прозвучал низкий удар колокола. Сначала один раз, потом второй. Я вопросительно посмотрела на Кассиана.

— Что это?

— Скоро закроют северные ворота.

— Так рано?

— До наступления темноты никто не входит в город и никто его не покидает.

Солнце ещё не успело скрыться за горизонтом, однако на улицах уже одну за другой зажигались защитные колонны. Люмен-кристаллы вспыхивали мягким серебристым светом, постепенно соединяясь в непрерывную цепь, которая тянулась вдоль городских стен, площадей и главных улиц.

Арллас не ждал наступления темноты, он встречал её заранее.

Я остановилась, наблюдая, как один из служителей заканчивает настройку последнего кристалла. Закончив работу, мужчина на мгновение приложил ладонь к холодному камню, словно проверяя, что тот действительно проснулся, после чего коротко кивнул самому себе и молча пошёл дальше.

— Никогда не думала, что подготовка к ночи может выглядеть как военная служба, — тихо сказала я.

— Для севера разницы почти нет, — ответил Кассиан.

Я ещё раз посмотрела на постепенно оживающую линию света. Арллас готовился встретить очередную ночь. А завтра нам предстояло выйти туда, где этот свет уже не мог никого защитить.

Глава 9

Рассвет ещё только начинал окрашивать небо в бледно-золотые оттенки, когда внутренний постоянный двор уже наполнился голосами.

Ардейцы собирались быстро и слаженно. Кто-то затягивал подпруги, кто-то закреплял на сёдлах дорожные сумки, двое солдат проверяли запасные подковы, разложив инструменты прямо на мостовой. Лошади нетерпеливо переступали с ноги на ногу, выпуская в прохладный воздух облачка пара. Северное утро оказалось неожиданно холодным.

Я плотнее запахнула плащ и медленно спустилась по каменным ступеням.

— Доброе утро, госпожа.

Марек уже успел заметить меня.

— Надеюсь, сегодня нас не заставят есть сушёное мясо весь день, иначе Брен опять будет жаловаться, что ему нечем закусывать.

— Я жалуюсь не на мясо, — тут же донеслось из другого конца двора. — Я жалуюсь на то, что ты снова сожрал половину моих запасов.

— Это была проверка.

— Чего?

— Твоей внимательности.

По двору прокатился дружный смех, вызвав во мне желание улыбнуться. За последние несколько дней лица этих людей стали удивительно знакомыми. Я всё ещё не могла вспомнить имена каждого, но уже без труда различала их голоса, привычки и даже манеру шутить. Именно поэтому мысль о предстоящей дороге больше не казалась обычным приказом. Мы отправлялись туда вместе.

— Госпожа.

Я обернулась.

Кассиан стоял возле своего коня, проверяя крепления седельных сумок.

— Наместник просил передать это вам.

Он протянул мне плотный кожаный тубус. Внутри лежала карта. Та самая, которую мы изучали накануне, только теперь на ней появились новые отметки. Красными чернилами были обозначены посты дозорных, синими — безопасные места для ночёвки, а тонкая чёрная линия указывала маршрут, который предстояло пройти нашему отряду.

— А вы, — Кассиан обратился к Мареку и Бреку, — если закончили обсуждать судьбу колбасы, займитесь лошадьми.

— Вот видите, — тяжело вздохнул Марек. — Опять никакого сочувствия

— Это наш маршрут? — спросила я, указывая на карту в своей руке.

Кассиан кивнул.

— До старых шахт около двух дней пути. Если погода не испортится, к вечеру второго дня будем на месте.

Он переставил одну из фишек чуть восточнее дороги.

— Здесь остановимся на первую ночёвку. Рядом проходит ручей, есть открытая поляна и хороший обзор. Лес начинается дальше, а значит, подойти незаметно к лагерю будет значительно сложнее.

Я внимательно рассматривала карту.

— Почему не разбить лагерь ближе к шахтам?

— Потому что никто из нас не знает, что происходит возле них после захода солнца.

Мой взгляд скользнул дальше по карте.

— А здесь?

Я коснулась места, где дорога резко уходила к востоку.

— Старая сторожевая башня, — ответил Кассиан. — От неё почти ничего не осталось, но стены ещё стоят. Если придётся пережить непогоду, место подойдёт.

Я задумчиво провела пальцем вдоль дороги.

— А почему не сократить путь через лес?

Несколько солдат, стоявших неподалёку, одновременно подняли головы.

— Потому что именно этот вопрос всегда задают люди, которые впервые оказываются на севере.

— Значит, ответ вам уже приходилось повторять?

— Бесчисленное количество раз.

Он подошёл ближе и кончиком ножа указал на густой массив деревьев.

— Лес кажется короче только на карте. На самом деле он изрезан оврагами, болотами и старыми каменными россыпями. Всадник там быстро превращается в пешехода, а скорость для отряда — зачастую лучшая защита.

Я усмехнулась.

— Теперь понимаю, почему вы так любите карты.

— Карты редко врут, — спокойно ответил Кассиан.

Я уже собиралась ответить, когда во двор въехали двое разведчиков. Их лошади тяжело дышали после быстрой скачки, а плащи были влажными от утренней росы. Один из мужчин спрыгнул на землю и быстрым шагом направился к Кассиану, другой же молча увёл коней к конюшням, на ходу успокаивая их негромкими словами.

Командор внимательно выслушал короткий доклад, почти не задавая вопросов. Со стороны могло показаться, что разговор длился не больше минуты, однако за это время лицо Кассиана не изменилось ни разу. Он лишь кивнул в самом конце, после чего хлопнул разведчика по плечу и отпустил.

Я дождалась, пока тот отойдёт.

— Что-то случилось?

— Нет, — спокойно ответил Кассиан. — Просто проверили дорогу до первого привала. После вчерашнего дождя я хотел убедиться, что переправа через ручей осталась проходимой.

— И?

— Всё в порядке.

Ответ прозвучал настолько буднично, что я невольно улыбнулась.

— Вы всегда настолько... предусмотрительны?

Он посмотрел на меня так, будто вопрос показался ему странным.

— Когда отвечаешь за несколько десятков жизней, привыкаешь не рассчитывать на удачу.

Я перевела взгляд на двор.

Пока мы разговаривали, ардейнцы заканчивали последние приготовления. Один проверял подпругу уже в третий раз, другой аккуратно раскладывал по седельным сумкам свёртки с перевязочными материалами, ещё двое спорили из-за того, сколько запасных подков действительно стоит брать с собой.

— Три пары хватит.

— А если одна лошадь потеряет сразу две?

— Тогда это будут уже её проблемы.

— Нет, Марек, это будут наши проблемы.

Я тихо рассмеялась.

— Они всегда такие?

— Почти всегда.

— И вы им это позволяете?

Кассиан проследил за моим взглядом.

— Пока они смеются здесь, а не тогда, когда придётся обнажить мечи, — пусть смеются. Во двор неспешным шагом вышел наместник.

Сегодня на нём не было ни тяжёлой мантии, ни парадного плаща. Только тёмный дорожный камзол, поверх которого лежала короткая меховая накидка.

— Вижу, вы готовы, — произнёс он, подходя ближе.

Кассиан коротко кивнул.

— Почти.

Наместник медленно обвёл взглядом двор, задержавшись на каждом солдате так, будто многих из них знал не первый год.

— Берегите людей, командор.

— Постараюсь.

Этому ответу хотелось верить, а ещё больше хотелось верить, что Кассиан считает меня своим человеком.

Наместник ещё несколько секунд молча смотрел на построившийся отряд, после чего подошёл к Кассиану и крепко сжал ему предплечье. Этот жест выглядел настолько искренне, что заставил меня отвести взгляд. Судя по тому, как командор ответил ему тем же, я осознала, что между ними давно существовало не только уважение, а доверие, которое не появляется за несколько месяцев службы.

— Буду ждать вашего возвращения, — негромко произнёс наместник. — И очень верю в то, что именно вы сможете привезти мне ответы.

Кассиан коротко склонил голову, отвечая на прощание, и первым направился к воротам. Солдаты почти одновременно поднялись в седла, привычно занимая свои места в колонне, а я ещё ненадолго задержалась возле наместника.

— Госпожа.

— Да?

Наместник молчал какое-то время, будто подбирая слова, а потом устало, но по-настоящему тепло улыбнулся.

— Не позволяйте этим землям себя обмануть.

Я вопросительно посмотрела на него.

— Простите?

— Многие думают, что опасность здесь приходит только с туманом. Это не так. Точнее, не только так. Страшные решения люди принимают и при свете дня.

Я не сразу нашлась с ответом. Даже не поняла смысл этой фразы с первого раза, поэтому лишь поблагодарила наместника и подошла к своей лошади.

Стоило поставить ногу в стремя, как Сполах недовольно мотнул головой, явно показывая, что ранние подъёмы ему нравятся не больше, чем мне.

— Даже не начинай, — тихо сказала я, проводя ладонью по его шее. — У нас впереди ещё два дня пути.

Конь тихо фыркнул, словно возражая, после чего всё-таки позволил мне сесть в седло.

Кассиан уже ждал у раскрытых ворот. Увидев, что отряд занимает свои места, он медленно обвёл взглядом людей, задержавшись на каждом всего на мгновение.

— Выдвигаемся.

Приказ прозвучал вовсе не как приказ, словно он просто констатировал факт. Никто не ответил, колонна тронулась почти одновременно, и уже через несколько минут каменные стены Арлласа остались за нашими спинами, уступая место широкой дороге, уходившей на север.

Мы двигались рысью какое-то время и Арллас быстро остался позади. Сначала исчезли городские стены, затем скрылись высокие башни с защитными колоннами, и только серебряные огни люмен-кристаллов ещё какое-то время были видны над кронами деревьев, пока окончательно не растворились за горизонтом. Дорога постепенно становилась уже. Каменную

мостовую сменил хорошо катанный тракт, по обеим сторонам которого тянулись хвойные леса. Высокие сосны почти не пропускали солнечный свет, поэтому даже утром здесь было заметно прохладнее, чем в самом Арлласе.

Я придержала Сполоха, позволяя ему перейти на шаг вместе с остальным отрядом.

— Здесь всегда так тихо? — спросила я, стараясь нагнать Кассиана. — Даже не слышно пения птиц.

Командор, ехавший впереди, слегка повернул голову.

— Сегодня здесь хотя бы светит солнце.

— Не понимаю.

Командор не ответил. Вместо этого он поднял руку, давая знак всему отряду немного сбавить темп, а затем указал куда-то вправо, за редкие молодые ели. Я проследила за его взглядом — между деревьями показались полуразрушенные каменные стены. Когда-то там стояли дома, теперь же от них остались только печные трубы, несколько покосившихся заборов и заросший колодец, над которым всё ещё висел старый журавль. Ни дыма, ни людей, ни единого звука.

— Здесь была деревня? — тихо спросила я.

— Была.

Я ещё долго смотрела на покосившиеся дома. На одном из дворов заметила старую телегу без колеса, возле другого ветер раскачивал покосившиеся деревянные качели.

— Что с ней случилось?

Кассиан перевёл взгляд на дорогу.

— Люди ушли.

— Из-за тумана?

— Из-за жизни рядом с ним.

Я нахмурилась, и он, заметив это, всё же продолжил:

— Сначала начали пропадать охотники. Потом пастухи перестали уводить стада далеко от деревни. Через несколько лет уходить дальше несколько миль вглубь леса стало гораздо опаснее, нежели требовалось людям для жизни. Они всё реже выходили за дровами, всё чаще запирали двери до наступления темноты, а потом просто решили, что на севере им больше не место.

Я снова посмотрела на дома, ощущая тяжесть последней фразы, сказанной Кассианом. Тяжело осознавать, что место, где жили их родители и деды больше не может стать домом для их детей.

— Они перебрались в Арллас?

— Кто смог — да. Остальные разъехались ещё южнее.

Некоторое время мы ехали молча. Деревня постепенно скрылась за деревьями, но ощущение пустоты почему-то осталось. Во дворце север часто изображали на старых картах как бескрайние леса, горные хребты и пограничные крепости. Никто никогда не рисовал на этих картах покинутые дома, потому что больше они никому не нужны, когданибудь лес скроет их окончательно. А между тем именно такие деревни оставляли напоминание, что туману необязательно приближаться, чтобы изменить мир. Ему достаточно просто находиться рядом.

Прошло, наверное, несколько часов, прежде чем дорога начала меняться. Лес постепенно расступался, всё чаще пропуская солнечный свет, а плотная хвоя под ногами уступала место высокой траве и невысоким кустарникам. Где-то неподалёку журчала вода, невидимая за деревьями, а тёплый ветер время от времени приносил запах влажной земли и молодой хвои.

Я уже перестала обращать внимание на однообразный перестук копыт, когда ехавший впереди разведчик неожиданно поднял руку. Весь отряд замедлил ход почти одновременно.

Никто не переговаривался и не задавал вопросов. Ардейнцы словно давно привыкли понимать подобные жесты без лишних слов, поэтому уже через несколько мгновений дорога погрузилась в непривычную тишину, нарушаемую лишь тихим фырканием лошадей.

Разведчик легко прыгнул на землю и опустился на одно колено возле самой дороги. Я подъехала ближе. Сначала мне показалось, что он рассматривает обычные следы от копыт, каких на тракте должно быть десятки, если не сотни, однако чем внимательнее я присматривалась, тем сильнее понимала, что вижу лишь беспорядочные отпечатки, совершенно не отличающиеся друг от друга.

— Что вы увидели? — спросила я.

Разведчик поднял голову.

— Следы.

Я невольно улыбнулась.

— Это я уже поняла.

Несколько человек тихо усмехнулись.

— Тогда попробуйте сказать, сколько здесь прошло всадников.

Я опустила взгляд на дорогу ещё раз. Следы перекрывали друг друга настолько сильно, что меньше чем через минуту я окончательно сдалась.

— Не знаю.

Несколько солдат тихо усмехнулись, но не насмешливо, а скорее потому, что сами когда-то точно так же ничего не понимали.

Разведчик не смутился.

— И никто не знает, пока не научится смотреть правильно.

Он провёл ладонью вдоль самого края тракта.

— Основная колонна всегда разбивает середину дороги. А вот те, кто едут по краям, оставляют самые чистые следы. По ним и считают.

Я присмотрелась внимательнее.

Теперь действительно стало заметно, что несколько отпечатков почти не пересекались с остальными.

— Их было много? — спросила я.

Разведчик кивнул.

— Не меньше тридцати всадников. Судя по следам, лошади были хорошо нагружены, но двигались быстро и почти не останавливались.

— Караван?

Он отрицательно покачал головой.

— Купцы никогда не идут таким строем.

Я перевела взгляд на Кассиана.

Командор уже успел спешиться и теперь сам внимательно рассматривал дорогу.

— Давно прошли?

— Не больше суток назад.

Кассиан коротко кивнул.

— Продолжаем.

Никто не стал задавать новых вопросов. Разведчик поднялся, привычным движением стряхнул с ладоней землю и вновь оказался в седле прежде, чем я успела что-либо сказать. Колонна медленно тронулась вперёд, а я ещё некоторое время смотрела на дорогу, пытаюсь понять, каким образом несколько едва заметных следов смогли рассказать человеку так много.

Во дворце меня учили разбираться в политике, читать древние хроники, владеть мечом и стрелять из лука. Наставники часами объясняли устройство империи, заставляли наизусть запоминать родословные великих домов и безошибочно находить на карте каждую крепость северной столицы. Я всегда считала своё образование почти безупречным. Теперь же выяснялось, что существуют вещи, о которых никто даже не подумал мне рассказать.

— Ардейнов этому учат с самого начала? — спросила я, поравнявшись с Кассианом.

— Читать следы?

Я кивнула.

— Не только следы, — спокойно ответил он. — Мы учимся замечать всё, что может однажды сохранить жизнь. Сломанную ветку, потухший костёр, свежую колею на дороге. Иногда одна мелочь стоит целого дня пути.

Я хотела что-то ответить, но сзади неожиданно раздался недовольный голос Марека.

— Нет, это уже заговор.

Несколько ардейнцев тут же рассмеялись.

— Что ещё случилось? — крикнул кто-то из середины колонны.

— Он опять это сделал.

— Кто?

— Мой конь.

Я невольно придержала Сполоха, чтобы поравняться с ними. Марек с таким возмущением смотрел на своего гнедого жеребца, будто тот только что совершил государственное преступление.

— С самого утра делает вид, что хромает, стоит мне сесть в седло. А как только Брен забирает поводья — сразу становится самым здоровым конём в Империи.

Брен усмехнулся.

— Может, дело не в коне? — сказал он.

— А в чём же ещё?

— Он просто не хочет тебя везти.

По колонне снова прокатился смех. Марек театрально посмотрел на жеребца.

— Вот видишь? Даже они на твоей стороне. — проскулил Марек.

Конь в ответ громко фыркнул, заставив смеяться уже весь отряд.

— По-моему, это было «да», — не удержалась я.

Марек перевёл на меня совершенно серьёзный взгляд.

— Госпожа, прошу вас не поддерживать этот беспредел. У меня и без того сложные отношения с собственным конём.

— Не преувеличивай, — спокойно сказал Брен. — В прошлый раз он пытался тебя уку-
сать.

— Это была случайность.

— Два раза.

— Совпадение.

— Марек, он гонялся за тобой по всему двору.

— Он был молодым.

— Это произошло позавчера.

На этот раз даже Кассиан тихо усмехнулся. Рядом со своими людьми он был совсем другим человеком — не командором самой элитной гвардии Люцентии, не сдержанным офицером, которого я встретила в Люцерисе. Просто человеком, рядом с которым эти люди чувствовали себя настолько свободно, что позволяли себе шутить, смеяться и спорить даже посреди долгой дороги.

Мы шли ещё какое-то время, иногда бросая шутки в сторону Марека и позволяя себе смеяться во весь голос.

— Привал через два часа, — негромко произнёс Кассиан, даже не повышая голоса.

Казалось, услышали его только те, кто ехал рядом, однако уже через несколько секунд эта фраза словно прокатилась по всей колонне. Кто-то передал её дальше, кто-то просто поднял руку.

— Откуда они понимают? — тихо спросила я.

Кассиан посмотрел на меня с лёгким недоумением.

— Что именно?

— Вы ведь сказали это почти шёпотом.

Он едва заметно улыбнулся.

— Они просто лучше всех.

Я невольно оглянулась, замечая, что никто не суетится, не старается пришпорить лошадь, чтоб быстрее отдохнуть.

Казалось, каждый продолжал заниматься тем же, чем и минуту назад, однако колонна постепенно перестраивалась сама собой: разведчики ушли немного вперёд, двое ардейнцев из середины отряда незаметно сместились ближе ко мне, последними по-прежнему ехали самые опытные воины.

— Вы даже не отдаёте приказы, — заметила я.

— Отдаю.

— Но я их не слышу.

— Потому что большинство из них уже давно не нужно произносить.

Впереди Марек вдруг резко натянул поводья.

— Только не говорите, что опять он, — донёсся до меня голос Брена.

— На этот раз не я!

— Тогда почему ты остановился?

Марек виновато поднял руку, в которой держал пустое крепление.

— Кажется... я её потерял.

— Кажется? — переспросил Брен.

— Хорошо. Не кажется. Точно потерял.

По колонне снова прокатился смех.

— Когда-нибудь, Марек, ты однажды забудешь собственную голову, — покачал головой один из солдат.

— Если она будет так же плохо привязана, как эта фляга, то вполне возможно.

Кассиан и на этот раз не стал вмешиваться. Он только тихо произнёс:

— Вернёмся — найдёшь.

— А если кто-нибудь её заберёт?

— Значит, будет тебе урок.

Марек обречённо вздохнул.

— Иногда мне кажется, командор, что вы совершенно не умеете сочувствовать.

— Умею

— Правда?

— Именно поэтому не разрешаю тебе возвращаться за одной флягой и задерживать весь отряд.

Марек развёл руками.

— Вот опять не поспоришь.

Марек ещё несколько секунд изображал вселенскую трагедию, после чего повернулся ко мне с таким видом, будто рассчитывал найти хотя бы одного союзника.

— Госпожа Элинар, надеюсь, вы на моей стороне?

Я сделала вид, что серьёзно задумалась.

— А какая это уже по счёту?

Он обречённо вздохнул.

— Даже вы...

— Ответьте на вопрос.

Марек что-то невнятно пробормотал себе под нос.

Брен довольно хмыкнул.

— Третья.

— Не мешай.

— Третья.

— Хорошо. Третья.

Я не смогла сдержать улыбку.

— Тогда, боюсь, командор прав.

Марек театрально приложил руку к сердцу.

— Не ожидал такого предательства.

— Привыкай, — невозмутимо бросил Брен.

— Уже начинаю думать, что в этом отряде меня вообще никто не ценит.

— Ценим, — донеслось откуда-то с конца колонны. — Просто не доверяем тебе ничего, что можно потерять.

На этот раз рассмеялся уже сам Марек.

— Ладно... возможно, заслужил.

К тому моменту, когда солнце перевалило за середину неба и стало прятаться за деревьями, дорога окончательно вывела нас к небольшой поляне, со всех сторон окружённой соснами.

Кассиан вновь поднял руку и колонна остановилась. Похоже, место для привала было выбрано ещё до выезда из Арлласса.

Пока одни ардейнцы принимали лошадей, освобождая их от поклажи, другие привычно занялись лагерем. Никто никому не раздавал поручений, никто не спорил, что делать первым. Работа словно сама распределилась между людьми: через несколько минут над небольшим костром уже висел котелок, люмен-кристаллы защитным светом мерцали на ветках деревьев и перевозных столбах, кто-то успел наполнить фляги водой из ручья, а двое разведчиков, даже не присев отдохнуть, снова скрылись между деревьями.

— Они всегда уходят первыми? — спросила я, наблюдая, как один из них поправляет за спиной лук.

— Всегда, — ответил Кассиан, снимая с седла дорожную сумку. — Пока остальные отдыхают, они проверяют, что отдыхать безопасно.

Я молча кивнула.

Марек тем временем уже успел устроиться возле костра и теперь с неподдельным интересом заглядывал в котелок.

— Даже не думай, — предупредил его Брен.

— Я только посмотреть.

— В прошлый раз ты тоже «только посмотрел», а потом почему-то половина мяса исчезла ещё до обеда.

— Это были недоказуемые обвинения.

— Мы тебя поймали с ним в руках.

— Улики бывают ошибочными.

Я усмехнулась и, сняв перчатки, опустилась на поваленное бревно неподалёку. Сполох мирно щипал траву, время от времени недовольно отмахиваясь хвостом от назойливых насекомых, а вокруг костра уже снова спорили о чём-то настолько незначительном, что через минуту невозможно было вспомнить, с чего всё началось. Пожалуй, такое путешествие мне было по душе — спокойно и без всяких происшествий.